КРЫМСКАЯ

ЭКСПЕДИЦІЯ.

РАЗСКАЗЪ

ОЧИВИДЦА ФРАНЦУЗСКАГО ГЕНЕРАЛА.

ПЕРЕВОДЪ

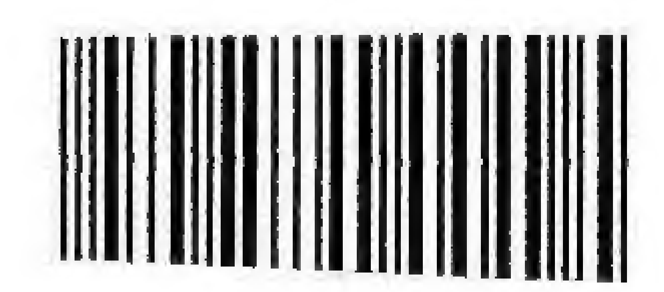
Маркова.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. Т. ВОЛКОВА И КОМП.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 3 Іюня 1855 г.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

I.

Мы не имѣемъ намѣренія входить въ подробное разсматриваніе первоначальныхъ причинъ, подавшихъ поводъ къ борьбѣ между Россіею съ одной, Франціею и Англіею съ другой стороны. Причины эти довольно хорошо извѣстны. Укажемъ только на важнѣйшія событія, совершившіяся до начатія войны, сопровождая ихъ политическими и дипломатическими разсужденіями, которыя въ особенности входятъ въ планъ нашего разсказа.

Въ началѣ дѣло шло о столкновеніи вліяній Греческаго и Латинскаго вѣроисповѣданій въ Іерусалимѣ. Французское правительство, чрезъ Посланника своего въ Константинополѣ, Делакура, получило отъ Султана фирманъ, которымъ Латин-

ской Церкви предоставлялись нѣкоторыя преимущества. Этимъ политическимъ средствомъ юная Имперія пріобрѣтала право уваженія въ мірѣ католицизма и благосклонно располагала къ себѣ Папу, въ которомъ Императору Французовъ могла предстоять надобность для коронованія своего въ церкви Парижской Богоматери. Сверхъ того это средство давало Франціи вліяніе на Востокѣ.

Фирманъ, выданный Высокою Портою Делакуру, вызвалъ требованія С.-Петербургскаго Кабинета, клонившіяся къ тому, чтобы Диванъ уравнялъ права Греческой и Латинской Церкви, Его требованія были удовлетворены съ этой стороны.

Во все продолженіе трехъ или четырехлѣтнихъ смутъ, волновавшихъ Европу, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичь съ величайшимъ благоразуміемъ оставался зрителемъ совершавшихся событій. Безъ сомнѣнія, Онъ опасался переворотовъ, измѣнившихъ порядокъ вещей, но избѣгалъ столкновеній, могущихъ неминуемо случиться при Его посредничествѣ и возбудить всеобщую войну.

Такая умѣренность дѣйствительно оказала болѣе пользы тѣмъ началамъ, противу которыхъ во-

оружался тогда духъ переворотовъ, нежели дѣятельное участіе въ борьбѣ, первымъ послѣдствіемъ которой была бы коалиція народовъ. Это участіе Императора проявилось въ то лишь мгновеніе, когда духъ возмущеній началъ уже ослабѣвать. Тогда-то въ Венгріи Онъ нанесъ рѣшительный ударъ мятежному духу неустройствъ.

Тогда только для Имперіи Австрійской, Королевства Прусскаго и Германскихъ Государствъ опасность миновала. Императоръ Николай по справедливости прославилъ Себя тѣмъ, что довершилъ великое дѣло—водвореніемъ порядка, въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ понималъ его и въ какомъ порядокъ сей существуетъ въ Его Монархіи.

Послѣ столь великой услуги, такъ великодушно оказанной имъ Австріи, Пруссіи и всѣмъ Государямъ, которымъ угрожала опасность, Онъ снова сталъ спокойнымъ и безмолвнымъ зрителемъ совершавшихся событій.

Въ это время Онъ достигъ апогеи могущества и славы. Искусно избѣгнувъ всѣхъ столкновеній съ неустройствами и смутами, Николай I сталъ надежнымъ покровителемъ колебавшихся Монархій.

Послѣ 2-го Декабря 1852 года вліяніе Русскаго Императора еще болѣе возросло, стало еще неотразимѣе.—Возмущеній не стало; Французская республика превратилась въ Имперію. Русскій Государь спокойно взиралъ на Западъ; тишина, наступившая послѣ послѣднихъ четырехлѣтнихъ смутъ и волненій, становилась надежнымъ ручательствомъ за будущее.

Тѣмъ намѣреніямъ, которыя питалъ Императоръ Россійскій, не предстояло никакихъ противодѣйствій со стороны Австріи и Пруссіи.

Что касается до Франціи, то было совсѣмъ иное дѣло. Въ Іюлѣ 1840 года она была исключена изъ союза на конгресѣ четырехъ великихъ державъ, по поводу Восточнаго вопроса. Повтореніе подобнаго исключенія очень бы понравилось всѣмъ тѣмъ, кому угрожалъ 1848 годъ и которые въ возстановленіи Имперіи видѣли торжественное нарушеніе трактатовъ 1815 года. Въ словахъ: Французская Республика, Французская Имперія, заключались двѣ угрозы, двѣ вины, два событія, которыя должно было вычеркнуть изъ страницъ Исторіи. Первой уже не стало; впрочемъ новая Имперія скоро забыла всѣ обѣщанія вести себя

скромно; она какъ будто вызывала Европу на борьбу, и именно въ эпоху женитьбы Наполеона на Графинѣ Теба. Онъ звалъ себя выскочкою; во многихъ случаяхъ напоминалъ о народности, изъ которой самъ получилъ начало; говорилъ, что Имперія его, *«избирательная»*, и въ замѣчательныхъ обстоятельствахъ, предъ лицемъ наслѣдственныхъ владѣтелей, представлялъ такъ мало сходства съ древними династіями, что умы народовъ долженствовали быть невольно поражены.

Вскорѣ обстоятельства приготовили къ разрѣшенію Восточный вопросъ.

II.

Съ обычною смѣтливостью своею Наполеонъ III понялъ опасность, которая ему угрожала. Онъ отступалъ, не показывая видимой слабости, и соглашался на уступку тѣхъ привилегій, которыя были предоставлены Латинской Церкви; поручивъ дѣло на отвѣтственность своего Посланника, даже упрекалъ его въ излишней ревности, хотя тотъ

дѣйствовалъ только вслѣдствіе инструкцій, которыя онъ получалъ изъ Парижа, и наконецъ, чтобы избѣгнуть всякаго повода къ распрѣ, Императоръ Французовъ вдругъ отозвалъ г. Делакура и назначилъ на мѣсто его де-Лавалетта.

Франція и Англія, вступившія въ союзъ, все еще показывали видъ, что надѣятся на сохраненіе мира. Въ продолженіе времени отъ 20 Іюня 1853 года по 3-е Іюля Русскія войска перешли Прутъ. Переговоры все еще не прекращались.

Въ эту эпоху общественное мнѣніе единодушно высказывалось въ пользу войны; тревога была повсемѣстная; журналы, которые, за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, выказывали нерѣшительность, единодушно возстали противъ Россіи и громогласно требовали войны.

Людовикъ-Наполеонъ очень хорошо понималъ, что армія его, принимавшая столь дѣятельное участіе во всѣхъ междоусобныхъ смутахъ, должна была заняться настоящею войною; въ этомъ онъ находилъ личное удовлетвореніе и въ то же время думалъ оправдать то великое имя, которое онъ носилъ; наконецъ, онъ полагалъ высоко стать предъ лицемъ Европы, оказывая защиту державѣ слабой и упадавшей.

Для того, чтобы приступить къ этому дѣлу, ему нуженъ былъ союзъ съ Англіею, и онъ заключилъ этотъ союзъ. Франція по справедливости могла упрекать его въ томъ, что онъ вовлекъ ее въ бѣдствія, неразлучныя съ войною, но Франція уже не имѣла голоса и безотвѣтно неслась къ новымъ событіямъ. Люди нетерпѣливые могли укорять Императора Французовъ въ медлительности, въ мечтательности, похожей на слабость; но онъ съ каждымъ днемъ подвигался впередъ, ничего не оставляя на удачу и соблюдая всевозможную осторожность, которою отличаются всѣ его дѣйствія.

По переходѣ Русскими Прута война стала дѣломъ рѣшеннымъ, и съ этой эпохи начинается рядъ гибельныхъ ошибокъ, послѣднимъ слѣдствіемъ которыхъ было неустройство и безсиліе союзныхъ войскъ на сѣверѣ и на югѣ Европы, въ Балтійскомъ и въ Черномъ моряхъ.

Надежда заключить союзъ съ Австріею послѣ заключеннаго съ Англіею, желаніе возстановить на Россію всѣхъ вѣнценосцевъ Европы, сбили съ толку подозрительную политику Франціи и въ одну кампанію погубили силу западныхъ армій.

Союзъ съ Австріею запуталъ дѣло и сталъ непреодолимою преградою для какого-либо успѣха.

Война была объявлена и съ ожесточеніемъ началась на Дунаѣ и въ Черномъ морѣ съ осени 1853 года. Подробности этой войны извѣстны; мы знакомы съ боемъ подъ Ольтеницей, Четати, разгромленіемъ Турецкаго флота при Синопѣ и проч. Людовикъ-Наполеонъ, постоянно мечтавшій о войнѣ, объявилъ ее только чрезъ шесть мѣсяцевъ; 27 Марта 1854 года высказались обѣ союзныя державы. Въ это время Русская армія во многихъ пунктахъ перешла Дунай, овладѣла Добруджею и угрожала Булгаріи.

Эта медлительность оправдала обвиненія, упавшія на Людовика-Наполеона. Извѣстно, что Императоръ Французовъ ласкалъ себя несбыточною мечтою на счетъ заключенія союза съ Австріею, который онъ почиталъ спасительнымъ. Этимъ онъ испортилъ надежное положеніе, въ которомъ находился, истребилъ тѣ плоды, которые долженъ быть извлечь въ нравственномъ и вещественнымъ отношеніяхъ, вступаясь за дѣло Турціи. Онъ единственно занялся переговорами съ Вѣною; потерялъ время, слѣдя за протоколами; убивалъ

часы за разстановкою фразъ и знаковъ препинаній, и соплеталъ сѣть, изъ которой, по его мнѣнію, Австрія и Пруссія не могли выйти.

Онъ видѣлъ, какъ Пруссія успѣла освободиться изъ сѣтей, которыя были ей разставлены; но не могъ еще убѣдиться въ замѣшательствахъ, причиняемыхъ союзничествомъ Австріи, не постигаетъ еще того безсилія, до котораго довели насъ ея добрая воля или ея опасенія, и наконецъ не знаетъ еще тѣхъ опасностей, которымъ она подвергаетъ насъ.

Извѣстно, какъ дорого обошелся въ былые годы союзъ съ Австріею главѣ Императорскаго семейства: союзъ этотъ былъ причиною его погибели. Наполеонъ III, которому такъ хорошо извѣстна Исторія Имперіи, повидимому забылъ про это обстоятельство. Это страница Исторіи кажется написана для него гіероглифами. Онъ не понимаетъ въ ней ничего или не хочетъ понимать. По этой причинѣ онъ разстался съ искуснѣйшимъ изъ своихъ совѣтниковъ, съ однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей своихъ, Графомъ Персиньи; въ случаѣ надобности, по этому же вопросу, онъ разстанется съ членами своего семейства, и по-

проситъ ихъ, если уже не сдѣлалъ этого въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ нихъ, не дѣлать ему никакого замѣчанія по этому предмету.

Впрочемъ мы должны сказать, что такое ослѣпленіе имѣетъ повидимому свои уважительныя причины, которыя заключаются въ его пламенномъ желаніи сбросить съ себя названіе выскочки, нѣкогда принятое имъ съ такою отвагой, и стать твердою ногою въ семьѣ древнихъ Европейскихъ династій и въ дипломатическихъ совѣтахъ Европы.

III.

Предъ объявленіемъ войны, состоявшемся только 27 Марта 1854 года, Французское правительство занялось на всемъ пространствѣ Имперіи приготовленіемъ значительныхъ военныхъ силъ. Полки, назначенные для составленія восточной арміи, формировались и приводились въ военное положеніе. Въ Африкѣ были готовы войска, испытанныя въ бояхъ; между ними зуавы и Африканскіе стрѣлки были извѣстны по оказаннымъ ими заслугамъ.

11-го Марта, послѣ отъѣзда Гг. Киселева и Брунова изъ Парижа и Лондона и возвращенія Кастельбажака и Сеймура изъ С.-Петербурга, послѣдовалъ декретъ Императора, опредѣлившій составъ войска.

Численность нашихъ войскъ простиралось до 40,000 человѣкъ, собранныхъ изъ всѣхъ гарнизоновъ Франціи и Алжиріи: то былъ цвѣтъ нашей арміи, то было войско надежное, извѣданное, подъ предводительствомъ офицеровъ опытныхъ. Отправленіе этого войска, одушевленнаго чистѣйшимъ патріотизмомъ, нетерпѣливо желавшаго помѣрять силы съ отдаленнымъ врагомъ, разсчитаться съ нимъ за неудачи лѣтъ минувшихъ, представляло зрѣлище величественное.

Вся эта прекрасная армія почти за одинъ разъ была перевезена на берега Оттоманскіе на многочисленныхъ пароходахъ и 200 транспортныхъ судахъ. Въ концѣ Апрѣля войска были высажены въ Галлиполи, куда только ожидали Маршала Сент-Арно, который долженъ былъ отправиться изъ Марселя на пароходѣ *«Бертолетъ»*. Нѣсколько Англійскихъ войскъ прибыли въ Галлиполи прежде насъ. Англійскія войска послѣ-

довательно стали прибывать на мѣсто, одушевленныя такимъ же энтузіазмомъ и смѣшивая свои національныя пѣсни съ нашими.

И сколько надеждъ, съ той поры не осуществившихся! Какъ охотно мы шли на бой и какъ увѣрены были въ побѣдѣ! Всѣ взоры были устремлены на Дунай, гдѣ длилась война съ перемѣннымъ счастіемъ; каждый горѣлъ нетерпѣніемъ стать въ ряды противу грозныхъ побѣдителей при Синопѣ.

И что сдѣлали мы въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ? даже теперь трудно объяснить причины нашего бездѣйствія. Французская армія находилась подъ начальствомъ Генерала Канробера; Англійскою предводительствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Браунъ. Главнокомандующіе оставались въ Константинополѣ. Они отправились въ Варну 12-го Мая, и 21-го имѣли съ Омеръ-Пашею совѣщаніе, на которомъ былъ утвержденъ планъ совокупныхъ дѣйствій для всѣхъ трехъ армій.

Въ этомъ совѣщаніи, происходившемъ 21 Мая, были исчислены силы союзныхъ войскъ, опредѣлены способы продовольствія и позиціи, которыя надлежало занимать или защищать; наконецъ

кажется тогда же былъ утвержденъ общій планъ между Генералами сухопутными и морскими, долженствовавшими дѣйствовать совокупно. Сент-Арно былъ наименованъ Генералиссимусомъ союзныхъ армій. Изъ Варны три Главнокомандующіе отправились въ Шумлу, гдѣ былъ произведенъ смотръ войскамъ Омера-Паши. Армія его состояла изъ 45-ти тысячъ человѣкъ, хорошо обученныхъ; но этого числа было недостаточно какъ для того, чтобы принудить Русскихъ снять осаду Силистріи, такъ и для того, чтобы защитить Балканы. Лордъ Рагланъ и Сент-Арно приказали наконецъ Англійскимъ войскамъ изъ Скутари и Французскимъ изъ Галлиполи отправиться въ Варну моремъ; Французскій корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій, подъ начальствомъ Генераловъ Канробера и Боске.

Перваго Іюня прибылъ первый отрядъ Французскихъ войскъ; зуавы шли впередъ. Варна и Шумла были назначены средоточіемъ дѣйствій союзныхъ войскъ.

Къ несчастію, явились новыя проволочки, новыя отлагательства, которыя показались бы необъяснимыми, если бы мы не отнесли ихъ къ

вышеупомянутымъ нами дипломатическимъ причинамъ. Страннѣе всего, что Маршалу Сент-Арно было повидимому извѣстно все, что происходило въ кабинетныхъ сношеніяхъ. Онъ во все время держалъ себя въ отдаленіи отъ Генераловъ, и на всѣ замѣчанія и вопросы, которые неоднократно ему дѣлали, возражалъ таинственно, желая дать особое значеніе словамъ своимъ.

IV.

Здѣсь мы почитаемъ за нужное высказать наше мнѣніе о Маршалѣ, котораго смерть избавила во-время отъ самой тягостной отвѣтственности.

Маршалъ былъ снабженъ въ Парижѣ инструкціями. Возведенный на высшую степень почестей, за оказанныя лично Людовику-Наполеону услуги, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться, онъ нѣкоторымъ образомъ насильственно втерся въ его довѣренность и проникалъ заранѣе всѣ его предначертанія. Онъ раздѣлялъ поли-

тическіе виды Императора относительно союза съ Австріею и, подобно ему, разыгрывалъ изъ себя ролю человѣка, проникнутаго идеями порядка и преданнаго монархическому и религіозному началамъ. Въ Константинополѣ онъ употребилъ всѣ старанія для убѣжденія Австрійскаго Интернунція въ правотѣ Французскаго правительства, и увѣрялъ его въ своемъ личномъ желаніи, чтобы Кабинеты Парижскій и Вѣнскій шли однимъ путемъ и слѣдовали одно общей политикѣ въ отношеніи къ Россіи. Эти увѣренія увлекли Интернунція, который принялъ ихъ благосклонно и довелъ обо всемъ до свѣденія своего правительства, не обнаруживавшаго до того времени настоящихъ своихъ намѣреній.

Къ пріѣзду Маршала въ Константинополь Французскій Посланникъ былъ отозванъ въ Парижъ. И въ самомъ дѣлѣ Посланникъ становился безполезнымъ, потому что Маршалъ могъ вполнѣ замѣнить его. Сент-Арно принялъ на себя отчасти даже полицейскій надзоръ: онъ приказалъ доносить себѣ обо всемъ, касавшемся личныхъ отношеній Генераловъ и высшихъ офицеровъ, и строго выговаривалъ нѣкоторымъ изъ нихъ за сближеніе съ Венгерскими

выходцами и Польскими мятежниками, прикосновенiе которыхъ къ Французскому мундиру могло не понравиться г. Бруку. Онъ обнаруживалъ явное негодованiе противъ Клапки и Высоцкаго, и сдѣлалъ распоряженiе объ изгнанiи всѣхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, появлявшихся иногда въ рядахъ армiи. Эта мѣра была внушена ему Австрiйскимъ Интернунцiемъ и вполнѣ одобрена Наполеономъ. Цѣль его была удалить также Польскаго Графа Браницкаго, личнаго друга Принца Наполеона Бонапарте. Принцъ письменно потребовалъ отъ него объясненiй по этому предмету; Маршалъ отвѣчалъ ему, что поступая такимъ образомъ, онъ повинуется приказанiямъ Императора.

Сент-Арно, убивавшiй время и труды на подобныя занятiя, не радѣлъ объ армiи, и съ этой эпохи войска начали подвергаться лишенiямъ, за которыя должно отвѣчать не Военное Министерство, а управленiе Главнаго Штаба, допустившаго всевозможные безпорядки. Начальникъ Штаба, Генералъ Мартемпрей, человѣкъ дѣятельный и смышленый; онъ обладаетъ даже неоспоримыми административными способностями, но онъ не рѣшается принять на себя никакой отвѣтственности.

За каждой бездѣлицей, за разрѣшеніемъ вопроса самаго обыкновеннаго онъ обращался къ Маршалу; а такъ какъ Маршалъ мало имѣлъ свободнаго времени, потому что онъ и жена его больше обращали вниманія на интриги и наружную обстановку, нежели на дѣла, не терпящія отлагательства, то и служебныя занятія вскорѣ пришли въ разстройство, отъ котораго армія неминуема должна была потерпѣть.

Мы не станемъ разсматривать финансоваго управленія Маршала: оно находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Министръ Финансовъ и контроль напрасно будутъ искать документовъ, на которыхъ могли бы основаться расходы, произведенные Маршаломъ съ прибытіемъ войскъ въ Галлиполи до отплытія въ Варну. Они найдутся въ необходимости дать этимъ расходамъ какое-либо названіе, менѣе оскорбительное для памяти Маршала Франціи.

Этотъ безпорядокъ, эти растраты отозвались во всѣхъ вѣтвяхъ управленія. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, не одинъ изъ подобныхъ администраторовъ былъ бы сосланъ на галеры за такое неправильное счетоводство и за тѣ

лишенія, которымъ отъ него подвергался солдатъ. Но безпорядки въ высшемъ управленіи давали поводъ къ безпорядкамъ между подчиненными, и вскорѣ, убѣдясь въ терпимости, всѣ получили убѣжденіе въ безнаказанности.

Дурные слухи стали распространяться въ войскѣ, и вскорѣ потомъ, во время пожара Варны, разнеслись обвиненія, указывавшія прямо на начальствующія лица въ арміи. Въ этихъ обстоятельствахъ значительныя потери провіанта и военныхъ снарядовъ, понесенныя Французскою арміею, дали возможность Австрійскимъ подрядчикамъ, имѣвшимъ входъ къ Маршалу, нажить огромные капиталы.

Есть еще одно обстоятельство, оставшееся необъяснимымъ, именно: недостатокъ хлѣба въ Варнѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Интендантство арміи, совершенно неожидавшее этого недостатка, было вынуждено торопливо доставлять сухари изъ Орана, Алжира и Тулона.

Въ концѣ Мая мы получили приказаніе отправиться изъ Галлиполи. Дивизіи Канробера и Боске были перевезены моремъ въ Варну; дивизія Принца Наполеона, сдѣлавшая одну половину пере-

хода моремъ, а другую берегомъ, остановилась въ Константинополѣ; дивизія Форе, остававшаяся въ Аѳинахъ, по причинѣ Греко-Славянскаго возстанія, принявшаго тогда характеръ весьма угрожающій, расположилась лагеремъ въ Галлиполи.

Принцъ Наполеонъ былъ въ это время въ Константинополѣ. Со времени его прибытія, предъ нимъ проходили всѣ дѣйствующія лица этой любопытной драмы; онъ имѣлъ возможность оцѣнить Решидъ-Пашу и г. Брука, которые приготовляли тогда трактатъ 20 Іюня между Австріей и Турціей. Принцъ со всѣхъ старонъ слышалъ жалобы и на политическое направленіе событій, и на положеніе, принятое Решидъ-Пашею, и на страшное замедленіе отправленія войскъ въ Булгарію, гдѣ собственно находился театръ военныхъ дѣйствій. Но онъ ничего не могъ сдѣлать и громко объявлялъ объ этомъ всѣмъ, которые хотѣли его слышать. Всѣ его распоряженія зависѣли отъ Маршала, который видимо имѣлъ причины не торопиться, что онъ и дѣлалъ дѣйствительно, ибо ему совершенно былъ извѣстенъ проектъ договора, составляемаго Решидъ-Пашею и Брукомъ; онъ самъ присутствовалъ однажды въ совѣщаніи,

на которомъ разсуждали о сущности и формѣ договора, и послалъ съ него копію въ первые дни, прямо на имя Императора.

Принцъ въ особенности смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на затруднительное положеніе, въ которое былъ поставленъ Омеръ-Паша. Турецкій Генералъ жаловался, что въ Константинополѣ совершенно забыли объ его Дунайской арміи, что она подвергнута была всякимъ лишеніямъ, терпѣла нужду въ съѣстныхъ припасахъ, одеждѣ и боевыхъ снарядахъ. 24-го Мая Принцъ Наполеонъ принималъ офицера изъ Дунайской арміи, объяснившаго ему печальное положеніе Генералиссимуса, къ которому питалъ онъ большое уваженіе. Передъ отъѣздомъ къ своей дивизіи въ Галлиполи, говорилъ объ этомъ Султану, и просилъ Генерала Боске довести о томъ же до свѣдѣнія Маршала, не открывая источника этихъ жалобъ и путей, по которымъ онѣ дошли до него. Султанъ не обратилъ вниманія на слова Принца; онъ отвѣчалъ ему довольно равнодушно, что переговоритъ обо всемъ съ Риза-Пашею, Военнымъ Министромъ, который пользуется его совершенною довѣренностію. Маршалъ же, выслушавъ Генерала Боске, возразилъ

высокомѣрно и отозвался самымъ грубымъ образомъ о Турецкой администраціи.

У Султана было совѣщаніе, на которомъ присутствовали: Маршалъ Сент-Арно, Лордъ Рагланъ, Решидъ-Паша, Риза-Паша и Мехметъ-Кебрали Паша. Въ этомъ совѣщаніи Маршалъ объявилъ о жалобахъ Омеръ-Паши и хотѣлъ распространиться по этому предмету.

При первыхъ словахъ Маршала Решидъ-Паша подалъ въ отставку. Само собой разумѣется, что эта продѣлка была сдѣлана только для вида, и Маршалъ, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное словами его на Султана, замолчалъ. Впрочемъ, по окончаніи совѣта, Риза-Паша далъ объясненія, которыми Маршалъ до такой степени удовлетворился, что, говоря Генералу Боске объ Омеръ-Пашѣ и его жалобахъ, онъ называлъ Турецкаго Генерала *мнимымъ больнымъ*.

Г. Брукъ, видя въ Босфорѣ Англо-Французскія войска, отправляющіяся въ Булгарію, принялъ рѣшительныя мѣры. Онъ поспѣшилъ окончаніемъ переговоровъ, начавшихся между нимъ и Решидъ-Пашею, и трактатъ между Турціею и Австріею былъ подписанъ 20-го Іюня. Онъ предварительно

былъ представленъ на разсмотрѣніе Маршалу, который возвратилъ его Интернунцію безъ всякаго возраженія.

Въ это время въ Варнѣ находилось отъ 38 до 40 тысячь человѣкъ союзнаго войска, нетерпѣливо просившихся подъ Шумлу и Силистрію.

Г. Брукъ и Решидъ-Паша отвратили всѣ помыслы о подобныхъ движеніяхъ трактатомъ, подписаннымъ 20-го Іюня.

19-го Іюня о немъ узнала биржа; въ тотъ же день отправлена была изъ Вѣны депеша, извѣщавшая о скоромъ очищеніи Дунайскихъ Княжествъ Русскими войсками.

V.

Россія имѣла всѣ права положиться на содѣйствіе или покрайней мѣрѣ на совершенный нейтралитетъ Австріи.

Императоръ Николай могъ предполагать, что глава Австрійской Имперіи, спасенной отъ погибели и утвержденной на незыблемыхъ основаніяхъ,

сохранилъ сознаніе великихъ услугъ, ему оказанныхъ, и никогда не обратитъ противъ Него шпаги, которая, не будь Онъ, неминуемо была бы преломлена мятежнымъ возстаніемъ. Въ совѣтахъ юнаго Императора *благодарность должна* была первая возвысить свой голосъ. Самое поведеніе Австрійскаго Кабинета заставляло питать подобныя надежды. Его нерѣшительная политика не хотѣла рисковать своей будущностью и избѣгала всякихъ столкновеній съ войною. Въ Вѣнѣ шли нескончаемые переговоры, писались ноты, протоколы, предположенія, имѣвшіе цѣлью выиграть время и предоставить обстоятельствамъ возрожденіе такого обстоятельства, которое позволило бы Австріи принять участіе въ совершающихся событіяхъ.

Австрія благоразумно разыгрывала свою партію и осторожно подвигалась по этому политическому поприщу, усѣянному на каждомъ шагу преградами и опасностями; и надобно сказать къ чести совѣтниковъ Императора, что они до сего времени умѣли искусно избѣгать всѣхъ затрудненій двусмысленнаго ихъ положенія и, ни чѣмъ не рискуя, сохранить выгоды Монархіи.

Безъ сомнѣнія, Австрія не могла принять горячаго участія въ дѣлѣ о Восточномъ вопросѣ, занимавшемъ Западныя державы: въ мнѣніяхъ сихъ послѣднихъ ясно говорилось о независимости Турціи; а доля, которая могла выпасть на часть Австріи при раздѣлѣ этой страны, заставляла колебаться Вѣнскій Кабинетъ и приводила его въ нерѣшительное положеніе; она слѣдовала въ этомъ случаѣ политическимъ преданіямъ Князя Метерниха во время войны 1828 и 1829 годовъ, когда одинъ Вѣнскій Кабинетъ возсталъ противу намѣреній Императора Россійскаго, между тѣмъ какъ Парижскій, Лондонскій и Берлинскій спокойно смотрѣли на переходъ Русскихъ черезъ Балканы и на заключеніе Адріанопольскаго трактата.

Чѣмъ громаднѣе были услуги, полученныя Австріею въ 1849 году, тѣмъ нетерпѣливѣе желала она сбросить тягостное бремя благодарности, которое свидѣтельствовало объ ея слабости въ прошедшемъ и неувѣренности въ будущемъ.

Казалось, Австрія искала только случая, чтобы осуществить слова Князя Шварценберга:

«Нѣкогда мы удивимъ свѣтъ величіемъ нашей неблагодарности.»

Совершавшіяся событія были именно такого рода, чтобы вызвать проявленіе этой неблагодарности. Австрія, находясь подъ вліяніемъ внушеній Императора Наполеона и Кабинета Виндзорскаго, стала мало по малу обнаруживать намѣреніе вступить въ борьбу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и вступить въ ряды Западныхъ державъ, которымъ такое союзничество долженствовало быть болѣе пагубнымъ, нежели полезнымъ, какъ это доказали уже самыя событія.

Императоръ Австрійскій лично, съ самаго начала, склонялся къ союзу съ Франціей и Англіей; находясь еще въ юныхъ лѣтахъ, обладая духомъ смѣлымъ и предпріимчивымъ, характеромъ рыцарскимъ и жаждущимъ приключеній, желая принять участіе въ буряхъ войны, онъ явно обнаружилъ намѣреніе свергнуть съ себя иго благодарности, которою по справедливости былъ обязанъ Россійскому Императору, и сблизиться съ Западными державами.

Министры Францъ-Іосифа, казалось, раздѣляли это мнѣніе, но не такъ рѣзко высказывали его,

потому что, разсматривая вопросъ съ высшей точки, они лучше могли предвидѣть всѣ послѣдствія подобнаго союза.

Австрія и потому еще желала отдѣлиться отъ Россіи, что, въ глазахъ ея, держава эта постоянно угрожало Германской Имперіи. Занятіе нижняго Дуная Русскими препятствовало развитію Австрійской торговли на Востокѣ и въ Черномъ морѣ. Сверхъ того, въ Вѣнѣ, неизвѣстно почему, подозрѣвали какія-то тайныя намѣренія Россіи нечувствительно привлечь на свою сторону Славянскихъ народовъ и Грековъ Оттоманской Имперіи и такимъ образомъ расширить свое владычество до Адріатическаго моря, посредствомъ непрерывной цѣпи поколѣній Молдаво-Валахскихъ, Сербовъ и Черногорцевъ.

Таковы были главныя причины, побуждавшія Императора Австрійскаго и Министровъ его вступить въ союзъ съ Западными державами и провозгласить себя противу Россіи, не смотря на важныя услуги, которыя были оказаны ею Австріи въ 1848 и 1849 годахъ.

Но этотъ союзъ представлялъ для нея многія важныя опасности, которыхъ трудно было бы

избѣжать совершенно. Мы видѣли, съ какою медлительностію она вступала открыто въ это товарищество, обѣщанное съ самаго начала Государствамъ Западнымъ. Это происходило отъ того, что Австрія подчиняла этотъ союзъ условіямъ, которыя дѣлали его невозможнымъ и которыя возбуждали противу него невыгодное мнѣніе людей благомыслящихъ во Франціи и Англіи. Она вступила въ эту борьбу единственно съ цѣлью измѣнить ея характеръ и возбудить политическую войну, не основанную ни на какомъ началѣ, не имѣющую опредѣленнаго характера, войну, исходъ который было не возможно предвидѣть.

Австрія видѣла неизбѣжную опасность въ прибытіи Французскихъ войскъ на границы Венгріи: такое сосѣдство могло внушить національной Венгерской партіи новыя надежды, возбудить смуты, чтобы исторгнуть съ корнемъ недавно утвердившееся въ почвѣ древо Австрійской монархіи. Въ рядахъ самой Французской арміи начали показываться Венгерскіе выходцы. И такъ Австрія, во чтобы то ни стало, хотѣла избѣгнуть появленія Французскихъ знаменъ на границахъ

Венгріи. И какъ союзъ ея основывался на такомъ условіи, слѣдовательно, какъ мы выше сказали, онъ былъ не возможенъ.

А между тѣмъ союзничество ея было принято.

Императоръ Наполеонъ III въ особенности дорожилъ союзомъ съ Австріею; его пламеннымъ желаніемъ было, что̀ уже подтвердили мы выше, быть признану и принятý, какъ равный и какъ союзникъ, послѣднимъ потомкомъ древняго Габсбургскаго Дома.

Онъ уже вступилъ въ союзъ съ Англіею, и Великобританія, которая всегда была душею всѣхъ враждебныхъ покушеній противъ Франціи, торжественно признала новую Имперію. При содѣйствіи такой союзницы Франція извлекала мечь, не возбуждая укоровъ древней Европы, которая безбоязненно смотрѣла на военные замыслы, естественно приписываемые наслѣднику имени и счастія Наполеона I.

Но этого было недостаточно. Наполеонъ хотѣлъ союза съ Австріею, хотѣлъ сдѣлать Россіи какъ бы вызовъ на брань, отторгнувъ отъ нея союзницу, на которую она болѣе всего могла полагаться; хотѣлъ, чтобы Европа сказала:

«Австрія была тѣсными узами соединена съ Россіею, но она пренебрегла ими для того, чтобы вступить въ союзъ съ геніемъ и счастіемъ Наполеона III!»

VI.

Изъ трактата 20-го Іюня произошли всѣ бѣдствія, испытанныя арміями Франціи и Англіи въ войнѣ съ Русскими.

Этотъ трактатъ довольно извѣстенъ и потому мы не почитаемъ за нужное представлять текстъ его нашимъ читателямъ.

Этимъ трактатомъ Вѣнскій Кабинетъ доставлялъ удовлетвореніе Западнымъ державамъ и предупреждалъ покушенія, которыя могли бы они поощрять или покрайней мѣрѣ допускать въ Италіи; но тотъ же самый трактатъ преграждалъ Англо-Французскимъ знаменамъ путь въ Молдавію, Валахію и Бессарабію. Удаливъ отъ Венгерскихъ границъ всякую возможность неустройствъ, что представляло чрезвычайно важную выгоду для

Австріи, она позволила Русскимъ собрать свои силы на такой точкѣ, на которую мы заблагоразсудили бы произвести нападеніе. Такимъ образомъ, обезпечивъ себя со стороны владѣній, наиболѣе доступныхъ неустройствамъ, Австрія воздвигла между нами и Русскими китайскую стѣну, подъ защитою которой сіи послѣдніе могли сосредоточивать войска на всѣхъ точкахъ по протяженію своей границы и въ особенности въ Одессѣ и Севастополѣ, начавшихъ въ эту эпоху обращать на себя вниманіе

Австрія увѣряла Турцію:

«Я принимаю тебя подъ мое покровительство.»

Она толковала Франціи и Англіи:

« Я съ вами; я заставлю Русскихъ обратно перейти Прутъ!»

Наконецъ она говорила Россіи:

« Я только для виду дѣйствую враждебно противу васъ; вы свободно можете защищать Одессу и Севастополь. Проучите хорошенько союзниковъ.»

Не возможно описать, съ какою горестью Генералы и высшіе офицеры нашей арміи смотрѣли

на ратификацію трактата 20-го Іюня. Принцъ Наполеонъ явно обнаруживалъ живѣйшее негодованіе въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ друзей. Начальствовавшій полкомъ въ дивизіи Принца и потомъ отправившійся вмѣстѣ съ Маршаломъ, Генералъ Боске поговаривалъ, что это похоже на измѣну; самъ Генералъ Канроберъ, при всей своей осторожности, не могъ скрыть своего неудовольствія. Турки рѣшительно ничего тутъ не понимали. Англичане молчали; они не высказывали своихъ мнѣній: таковы всегда были ихъ военные обычаи. Генералъ Скэрлетъ, съ которымъ кто-то заговорилъ по этому случаю, тотчасъ же холодно раскланялся съ своимъ собесѣдникомъ и оставилъ его подъ предлогомъ важныхъ служебныхъ занятій. Безполезно было бы заводить объ этомъ рѣчь съ Лордомъ Рагланомъ и Герцогомъ Кембриджскимъ: отъ нихъ нельзя было бы получить никакого удовлетворительнаго отвѣта.

Маршалъ Сент-Арно торжествовалъ; смотря на его восторгъ, можно было сказать, что этотъ политическій трактатъ былъ его изобрѣтеніемъ. Онъ поздравлялъ Решидъ-Пашу и снова выразилъ

свое удовольствіе г. Бруку, которому изъявлялъ его уже и прежде по тому поводу, что Австрій-ское правительство принимаетъ болѣе и болѣе рѣшительныя мѣры.

VII.

Послѣ добровольнаго снятія осады Силистріи, Русскіе медлено удалялись во внутренность Княжествъ, уступая шагъ за шагомъ мѣсто Туркамъ, подвигавшимся весьма осторожно; вскорѣ Австрійцы смѣнили Турокъ въ Молдавіи и Валахіи.

Что же дѣлали мы подъ Варной? Богъ знаетъ. Потерявъ всякую надежду идти на Дунай, освободить Силистрію и помѣряться силами съ Русскими, войска наши совершенно упали духомъ, и это бѣдственное положеніе было увеличено еще нестерпимыми Іюньскими и Іюльскими жарами. Съ 20-го Іюня по 20-е Августа протекло цѣлыхъ два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ тоска по родинѣ, тифусъ и холера страшно свирѣпствовали и производили опустошенія въ рядахъ союзниковъ.

Наши арміи представляли тогда зрѣлище самое плачевное; госпитали наполнялись съ каждымъ днемъ; смерть усердно истребляла войска наши, въ которыхъ дисциплина видимо ослабѣла, что впрочемъ было весьма естественно.

Со всѣхъ сторонъ поднялся ропотъ; въ нѣкоторыхъ батальонахъ даже были слышны мятежныя восклицанія. Солдаты громко требовали своихъ любимыхъ изгнанныхъ Генераловъ.

Къ этой эпохѣ относится первая болѣзнь Принца Наполеона, которая потомъ уже не оставляла его во все продолженіе экспедиціи. Онъ занемогъ довольно сильно тифусомъ. Доктора присовѣтовали ему отправиться въ Константинополь, гдѣ онъ могъ пользоваться воздухомъ болѣе чистымъ и гдѣ жизнь была спокойнѣе. Но если здоровье его поправилось мало по малу, благодаря его личной энергіи и тѣмъ попеченіямъ, которыми окружали его, съ другой стороны онъ сильно страдалъ, видя безпрестанныя интриги, коихъ нити сосредоточивались въ Константинополѣ, изъ Кабинета Министра иностранныхъ дѣлъ. Принца извѣщали въ подробности обо всемъ, что происходило въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Диванѣ. Онъ

получалъ изъ Франціи письма, въ которыхъ ясно видѣлъ непреклонное упорство, неизлечимое ослѣпленіе Наполеона III. Въ столицѣ Турціи Принцъ могъ вблизи слѣдить за всѣми распоряженіями Маршала и ему очень хорошо было извѣстно участіе его въ губительной политикѣ, которой слѣдовалъ Императоръ Французскій; наконецъ, онъ зналъ всѣ подробности частыхъ совѣщаній г. Брука и Решидъ-Паши, которые, находясь въ Константинополѣ, думали, что переговоры ихъ остаются для всѣхъ непроницаемою тайною.

Принцъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней раздѣлялъ общее уныніе, и начиная съ этой эпохи, формально просилъ дозволеніе о возвращеніи во Францію. Онъ съ отвращеніемъ принималъ участіе въ борьбѣ, изъ которой не могъ предвидѣть исхода и въ которой люди самые проницательные видѣли только однѣ неудачи. Тогда еще никто не помышляхъ о бѣдствіяхъ, ожидавшихъ насъ въ будущемъ.

На эту просьбу объ отставкѣ, поданную по надлежащей формѣ, разрѣшенія не послѣдовало. Императору угодно было, чтобы онъ присутство-

валъ въ рядахъ дѣйствующей арміи; онъ прислалъ Принцу отвѣтъ, въ которомъ напоминалъ ему о чести Императорскаго дома и о чести Франціи.

Принцъ Наполеонъ былъ принужденъ остаться.

VIII.

Въ началѣ Іюля начали наконецъ серьезно поговаривать о Крымской экспедиціи. Мысль о ней явилась первоначально не на Востокѣ. Она дошла до насъ прямо изъ Парижа, побывавъ предварительно въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, гдѣ вездѣ была принята чрезвычайно благосклонно.

Вѣнскій Кабинетъ съ разу достигалъ предположенной имъ цѣли, а именно: удалить войска западныхъ державъ отъ Дуная и завязать ихъ въ борьбу съ Русскими или въ Крыму, или въ Азіи.

Въ Лондонѣ мысль о взятіи Севастополя и объ истребленіи Русскаго флота въ Черномъ морѣ приводила въ восторгъ негоціантовъ Сити и акціонеровъ Остъ-Индской компаніи. Что же касается до приведенія въ исполненіе военныхъ

предначертаній, то Лондонскій Кабинетъ, состоящій по большой части изъ людей, мало знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, совершенно полагался на распоряженія Французскаго правительства, которое въ этомъ отношеніи, покрайней мѣрѣ повидимому, могло представить надежныя ручательства за успѣхъ. Почтенный Лордъ Абердинъ, мелочная церемоніальность котораго такъ хорошо напоминаетъ намъ Кауница, изумлялся смѣлости нашихъ соображеній. Герцогъ Ньюкестль заранѣе восхищался непремѣнному успѣху союзныхъ армій; Лордъ Пальмерстонъ опасался одного: ему казалось, что онъ еще не довольно доказалъ Императору, съ какою поспѣшностію Англія принимаетъ его планы и какъ много удивляется она его генію.

Повторяемъ, что мысль о Крымской экспедиціи родилась именно въ Тюльерійскомъ Кабинетѣ и созрѣла въ уединеніи. Императоръ, согбенный надъ картою Крыма, не спуская съ нея глазъ, съ циркулемъ въ рукѣ, проводилъ по цѣлымъ часамъ за составленіемъ плана экспедиціи, переписалъ его собственноручно и послалъ въ Константинополь, не сказавъ объ немъ никому: Императоръ боялся возраженій, которыя Маршалъ Вальянъ непремѣнно сдѣлалъ бы ему и которыхъ онъ не могъ бы выслушать терпѣливо.

IX.

Маршалъ Сентъ-Арно получилъ это важное сообщеніе въ теченіе Іюля мѣсяца. Онъ принялъ его безмолвно, не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній и отдалъ приказъ по войскамъ объ экспедиціи, будто она была его собственнымъ изобрѣтеніемъ, на которое Императоръ изъявилъ свое согласіе. Онъ помѣнялся въ этомъ случаѣ ролями, и за исключеніемъ Генерала Мартемпрея, которому была извѣстна вся истина, войска долгое время приписывали Маршалу честь столь высокаго соображенія. Большая часть Генераловъ думала то же.

Съ этой минуты Маршалъ началъ показывать баснословную дѣятельность: онъ безпрестанно переносился изъ Константинополя въ Варну, изъ Варны въ Константинополь; самъ присутствовалъ при начальныхъ приготовленіяхъ къ экспедиціи; почти ежедневно имѣлъ совѣщанія съ Лордомъ Рагланомъ и старался, какъ только было это можно, возбудить упавшій духъ арміи.

Маршалъ не имѣлъ недостатка ни въ дарѣ увлеченія, ни въ знаніи дѣла; онъ былъ смѣлъ,

рѣшителенъ въ обращеніи, и эти качества нравились солдату Но едва Маршалъ отходилъ, тотъ же самый солдатъ одумывался и спрашивалъ самъ себя: что же такое существенно заключается въ безпокойномъ, болѣзненномъ характерѣ этого человѣка, столь измѣнчиваго какъ въ моральномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи? — и солдатъ снова впадалъ въ сомнѣніе и снова принималъ видъ мрачный, даже угрожающій.

Получивъ отъ Генерала Канробера рапортъ, нисколько не успокоительный, Маршалъ предписалъ изъ Константинополя дать какое нибудь временное занятіе тѣмъ батальонамъ, которые выказывали наиболѣе нетерпѣнія.

«Въ Добруджѣ должны еще находиться Русскіе, писалъ онъ къ Канроберу. — Сдѣлайте на нихъ нападеніе, одержите надъ ними верхъ, такъ, чтобы мы могли поздравить Императора съ побѣдою къ народному празднику 15-го Августа. Мнѣ кажется, что изъ находящихся подъ вашимъ начальствомъ Генераловъ, Эспинасъ есть самый способный на подобное дѣло.»

Приказаніе Маршала было исполнено и экспедиція въ Доброджу поручена Генералу Эспинасу.

Нѣсколько сотенъ казаковъ, показываясь намъ издали, но отступая при сближеніи съ ними, завлекли наши батальоны въ болотистыя равнины съ зловредными испареніями, въ 25-ти лье (100 верстахъ) отъ Варны. Потомъ они вдругъ исчезли и перестали насъ безпокоить.

Тогда-то дивизія эта, высланная въ Добруджу, залита была, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проливными дождями, за которыми вслѣдъ наступили тропическіе жары: 6000 человѣкъ погибли въ этой экспедиціи, а 2000 занемогли болѣзнями, которыя сдѣлали ихъ навсегда неспособными къ службѣ.

Въ то же время холера и тифусъ свирѣпствовали въ Варнѣ, Галлиполи и Пиреѣ; такимъ образомъ, къ 15-му Августу, вмѣсто извѣстія о побѣдѣ, приходилось послать къ Императору донесеніе о 14,000 умершихъ!

X.

Изъ Парижа получено было приказаніе ускорить экспедицію, — въ слѣдствіе чего Маршалъ Сент-Арно возвратился изъ Константинополя въ Варну и созвалъ военный совѣтъ.

На юго-западныхъ берегахъ Крыма произведена была рекогносцировка Генералами Канроберомъ, Броуномъ, Контръ-Адмираломъ Лайонсомъ, въ сопровожденіи свѣдущихъ офицеровъ, нарочно отряженныхъ для этого изъ главнаго штаба. Безъ сомнѣнія, они доставили драгоцѣнные документы и данныя, изъ которыхъ можно было извлечь большую пользу; но эти свѣдѣнія относились чисто къ подробностямъ исполненія предпріятія, къ пунктамъ высадки, къ содѣйствію огня морской артиллеріи сухопутному войску въ случаѣ нападенія на Русскихъ, наконецъ къ тому или другому пути, по которому можно было слѣдовать по направленію къ Севастополю.

Военный совѣтъ собрался въ Варнѣ, въ началѣ Августа, какъ помнится, 10-го числа.

На совѣтѣ предсѣдательствовалъ Маршалъ Сент-

Арно. Онъ предварительно сообщилъ Принцу Наполеону и Генераламъ Канроберу и Боске о планѣ экспедиціи, условленномъ между имъ и Императоромъ. Это былъ планъ, составленный самимъ Наполеономъ III и присланный имъ изъ Біаррицы, ибо именно отсюда, въ эту критическую эпоху, Наполеонъ III пересылалъ свои приказанія и прокламаціи.

Маршалъ предложилъ совѣту проэктъ экспедиціи, показалъ важность сей послѣдней для Англо-Французской политики, и разобралъ планъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ его изъ Парижа. По его словамъ, предстояло избрать пунктъ для высадки, произвести высадку подъ покровительствомъ флота, во что бы ни стало разбить Русскія войска, которыя по всей вѣроятности окажутъ сильное сопротивленіе, и послѣ побѣды идти прямо на Севастополь и овладѣть имъ открытою силою. Маршалъ не имѣлъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній ни о силахъ дѣйствующаго Русскаго отряда, ни о Севастопольскомъ гарнизонѣ, ни о состояніи крѣпостныхъ верковъ съ сухаго пути. Все, что извѣстно было объ этомъ изъ разныхъ источниковъ, удостовѣ-

ряло, что не придется встрѣтить не только непреодолимыхъ, но даже слишкомъ затруднительныхъ препятствій. Россія только что окончила трудную борьбу на Дунаѣ; а потому ее гораздо легче будетъ побѣдить въ Крыму, гдѣ она не могла сосредоточить значительныхъ силъ и притомъ не ожидала нападенія съ этой стороны. Высадка въ Крымъ и взятіе Севастополя довершили бы, въ глазахъ свѣта, пораженіе Россіи и должны были бы принудить ее къ миру—который былъ столь желаемою цѣлью для Королевы Викторіи и Императора Наполеона.

Впрочемъ, на Дунаѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, ибо Австрія, ставъ союзницею Порты Оттоманской, могла принудить Князя Горчакова къ отступленію.

И такъ, надлежало перенести театръ войны на берега Крыма; и хотя эта экспедиція была сопряжена со многими опасностями, за то благопріятный климатъ и рѣшительныя выгоды, представлявшіяся союзнымъ арміямъ, представляли самыя вѣрнѣйшія ручательства въ успѣхѣ.

Взоры всѣхъ обратились на Лорда Раглана, котораго озабоченное чело выражало недовѣрчивость.

Лордъ Рагланъ первый указалъ на недостаточность свѣдѣній о силахъ Русскихъ и о состояніи Севастопольскихъ укрѣпленій съ сухаго пути. Карты, имѣвшіяся у насъ, были недостаточны; дороги, рѣки и прочія естественныя препятствія были намъ неизвѣстны. Слѣдовательно, выборъ театра войны былъ неудаченъ. Англійскій Генералъ замѣтилъ еще, что союзная армія нуждалась въ кавалеріи, между тѣмъ какъ Русскіе имѣли конницу, отличавшуюся своими превосходными лошадьми. И такъ борьба, въ которую мы намѣревались вступить, была неравная.

Вице-Адмиралъ Гамеленъ вооружился еще сильнѣе противу этой экспедиціи. По его словамъ, союзники, рѣшаясь на такое предпріятіе при подобныхъ обстоятельствахъ, будутъ походить на искателей приключеній. Силы союзныхъ армій казались ему недостаточными. Конечно, говорилъ онъ, флотъ могъ содѣйствовать высадкѣ, но нельзя было надѣяться, чтобы онъ въ состояніи былъ долгое время оказывать помощь по причинѣ приближавшагося равноденствія, которое заставитъ его удалиться отъ береговъ. Въ концѣ Сентября онъ уже долженъ искать убѣжища отъ страшныхъ

бурь, обыкновенно свирѣпствующихъ въ это время на Черномъ морѣ. Тогда сухопутная армія, заброшенная на чужомъ берегу, останется предоставленною самой себѣ: такое положеніе можетъ сдѣлаться для нея опаснымъ и даже гибельнымъ. Климатъ Крыма не сходенъ съ климатами странъ, находящихся подъ тою же широтою; притомъ же не должно упускать изъ виду близости моря и расположенія горныхъ хребтовъ. Крымскій полуостровъ, составляющій южную оконечность Россіи, есть какъ бы общее вмѣстилище всѣхъ непогодъ этой обширной Имперіи. Самый заливъ Севастопольскій въ холодныя зимы покрывается льдомъ. Если не удастся взять Севастополя открытою силою, то, для спасенія чести Франціи и Англіи, нужно будетъ приступить къ правильной осадѣ — и тогда, кто можетъ предвидѣть конецъ этой экспедиціи? Замѣчаніе Лорда Раглана о недостаткѣ нашихъ свѣдѣній касательно силъ Русскихъ и укрѣпленій Севастополя съ сухаго пути казались Французскому Адмиралу очень дѣльными, почему онъ и не могъ одобрить подобнаго предпріятія.

Маршалъ Сент-Арно отвѣчалъ коротко на эти возраженія. Онъ еще съ большею противу преж-

нято энергіею повторилъ свои доводы касательно важности экспедиціи и въ заключеніе представилъ совѣту, что онъ высказалъ непремѣнную волю своего Императора.

Тогда началъ говорить Принцъ Наполеонъ, хранившій до того времени молчаніе около трехъ четвертей часа.—Здѣсь мы должны сказать, что онъ выразилъ не только собственное свое, но и мнѣніе Генерала Боске и Герцога Кембриджскаго, съ которыми наканунѣ видѣлся и условился.

Принцъ рѣшительно отвергалъ возможность выполненія этой экспедиціи. Воля Императора, конечно, была всего важнѣе въ этомъ вопросѣ и требовала безпрекословнаго повиновенія, но Императоръ, находясь въ Біаррицѣ, не былъ въ состояніи оцѣнить всѣхъ практическихъ трудностей предпріятія. Огромное разстояніе, отдѣлявшее его отъ театра войны, могло представить ему вещи совершенно въ иномъ свѣтѣ. Какъ преемникъ имени Наполеона, онъ справедливо желалъ продолжать лѣтопись военной славы, снова возвести Францію на ея прежнюю степень и отмстить въ настоящемъ за бѣдственное минувшее. Но Наполеону III не слѣдовало начинать тѣмъ, чѣмъ кончилъ Наполеонъ I.

Самъ Маршалъ сознавался въ томъ, что вторгаться въ Россію значитъ предавать себя на произволъ судьбы. Мы не знали ни климата, ни средствъ, какими могла располагать армія, составлявшая предметъ нашей экспедиціи, ни силъ внутри и внѣ крѣпости, ни состоянія Севастопольскихъ укрѣпленій, которыя могли съ сухопутной стороны быть столь же грозными, какъ съ моря. Притомъ же Адмиралы не рѣшились бы подвергнуть себя огню 600 орудій, защищающихъ входъ въ Севастопольскій заливъ, слѣдовательно и нельзя было при нападеніи на городъ съ сухаго пути расчитывать на содѣйствіе флота, потому что корабли должны сражаться съ кораблями же, но не въ состояніи состязаться съ каменными стѣнами.

Адмиралы Гамеленъ, Дундасъ, Лэйонсъ и Чарнеръ вполнѣ были согласны съ мнѣніемъ Принца.

Истиннымъ полемъ сраженія для союзныхъ армій былъ Дунай, а послѣ Дуная—Прутъ. Тогда находились бы они въ странѣ богатой и плодородной, опираясь на большую рѣку, находясь подъ защитою хорошо укрѣпленныхъ крѣпостей.

Произвести высадку на берега Крыма, разбить Русскихъ и прямо идти на Севастополь, все это

не составляетъ еще плана, который могъ бы вполнѣ ручаться за успѣхъ предпріятія. Главный пунктъ, на который надлежитъ обратить вниманіе прежде всего, заключается въ томъ, чтобы запереть для Русскихъ Крымскій полуостровъ, отрѣзать сообщеніе Севастополя съ Россіею и отнять возможность Князю Меншикову получать подкрѣпленія съ береговъ Дуная. Для сего необходимо прежде всего двинуться къ Перекопскому перешейку, укрѣпить тамъ двѣ дивизіи въ сильной позиціи, подъ прикрытіемъ артиллеріи съ флота. Потомъ занять Симферополь, средоточіе областнаго управленія, обезпечить себя съѣстными припасами, одеждою, фуражемъ, въ которыхъ арміи можетъ предстоять надобность, и тогда уже идти на Севастополь и обложить его или атаковать открытою силою.

Безъ этихъ предварительныхъ дѣйствій высадка на берега Крыма поведетъ за собою продолжительную зимнюю кампанію на Русской землѣ, предпріятіе, какъ справедливо замѣтилъ Вице-Адмиралъ Гамеленъ, вполнѣ сумазбродное.

Маршалъ Сент-Арно запальчиво отвѣчалъ Принцу Наполеону и сдѣлалъ нѣсколько язвительныхъ

намековъ на его образъ мыслей и не совсѣмъ пріязненныя отношенія къ Императору. Принцъ возразилъ ему, что въ выборѣ друзей онъ не нуждается ничьими совѣтами, а въ убѣжденіяхъ своихъ руководствуется интересами Франціи и поучительными преданіями первой Имперіи, слѣдовательно въ этомъ дѣлѣ никто не можетъ быть судьей, кромѣ его.

Генералъ Канроберъ не опровергалъ проэкта экспедиціи и сообщилъ въ подробности результаты рекогносцировки, произведенной имъ на юго-западномъ берегу Крыма. Изъ доставленныхъ имъ свѣдѣній оказывалось, что высадка къ югу отъ Севастополя хотя и возможна, но сопряжена съ большими затрудненіями, потому что высоты здѣсь были укрѣплены. Сверхъ того, съ палубы *«Фюріуса»* онъ и товарищи его замѣтили Русскій лагерь, состоявшій изъ 25 т. человѣкъ. Непосредственно къ сѣверу отъ города, между бухтою и рѣкою Бальбекомъ расположены были лагеремъ около 6 т. человѣкъ. Всего удобнѣе можно было высадиться къ западу отъ Евпаторіи, близъ того мѣста, гдѣ видны развалины древняго укрѣпленія. Оттуда союзная армія могла прибыть къ Севасто-

полю въ три или четыре дня, не давъ Князю Меншикову сосредоточить своихъ силъ и воспрепятствовать намъ продолжать путь нашъ.

Съ такою системою дѣйствій можно было бы надѣяться разбить Русскихъ, и тогда Севастополь неминуемо достался бы въ наши руки.

«А что̀ будетъ, спросилъ Лордъ Рагланъ, если Русскіе рѣшатся защищать городъ и если онъ хорошо укрѣпленъ?»

Маршалъ Сентъ-Арно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ нужно приступить къ осадѣ, и что по занятіи сѣверныхъ укрѣпленій городъ будетъ принужденъ сдаться. Если же сѣверныя укрѣпленія представятъ сильный отпоръ, тогда легко можно будетъ перейти на южную сторону и предпринять правильную осаду, при содѣйствіи и подъ прикрытіемъ флота, который найдетъ для себя безопасную стоянку въ Балаклавской бухтѣ, осмотрѣнной Сиромъ Лэйонсомъ.

Тутъ начались споры о мельчайшихъ подробностяхъ экспедиціи, которая одобрена была большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ. Не смотря на всю дѣльность своихъ замѣчаній, Лордъ Рагланъ

согласился съ мнѣніемъ Маршала Сент-Арно; Генералъ Боске сдѣлалъ то же:—это была ошибка. Четверо остались при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ; то были: Вице-Адмиралъ Гамеленъ, Вице-Адмиралъ Дундасъ, Герцогъ Кембриджскій и Принцъ Наполеонъ.

XI.

Герцогъ Сент-Арно, вопреки наружной увѣренности въ успѣхѣ экспедиціи, глубоко поколебался оппозиціею, встрѣченною имъ на военномъ совѣтѣ. Чрезъ нѣсколько дней онъ издалъ прокламацію къ войску, въ которой ясно обнаруживались мрачныя предчувствія, волновавшія его душу. Эта прокламація слишкомъ извѣстна, и потому мы не станемъ приводить ее здѣсь; она оканчивалась словами, которыя проникнуты были какою-то безнадежностью и произвели непріятное впечатлѣніе. Въ послѣдствіи времени эта прокламація появилась въ *Монитёрѣ*, но по настоянію Принца Наполеона была уничтожена и замѣнена другою,

написанною самимъ Императоромъ, чѣмъ онъ надѣялся изгладить сомнительное впечатлѣніе, произведенное воззваніемъ Маршала Сент-Арно; однако это нисколько не исправило дѣла: ударъ уже былъ нанесенъ. Русскіе умѣли превосходно воспользоваться ошибкою Французскаго Главнокомандующаго.

XII.

Экспедиція отправилась изъ Варны и Бальчика 4-го Сентября; 7-го находилась она на высотѣ Змѣинаго острова и стала на якорѣ, въ ожиданіи Англійскаго флота; потому что какъ въ прежнее время, такъ и нынѣ еще, Англичане всегда опаздывали, по причинѣ своей плохой администраціи, съ которою имъ приходится имѣть дѣло; 9-го Сентября Французскій флотъ, соединившись съ Англійскимъ, снялся съ якоря у Змѣинаго острова, и при попутномъ вѣтрѣ, подъ безоблачнымъ небомъ союзники полетѣли на всѣхъ парусахъ къ востоку-юго-востоку.

13-го Сентября, утромъ, мы завидѣли бѣловатые берега Крыма; а вечеромъ остановились на якорѣ противъ Евпаторіи, которая уже была занята Полковникомъ Генеральнаго Штаба, Трошю. Еще до прибытія нашего жители успѣли выбраться изъ города.

Въ полночь весь флотъ снова поднялъ паруса: Французы шли впереди, Англичане составляли центръ, Турки находились въ арріергардѣ; 14-го Сентября войска высадились на берегъ Стараго Укрѣпленія, на пунктѣ, указанномъ Генераломъ Канроберомъ въ рапортѣ его къ Маршалу Сентъ-Арно и осмотрѣнномъ потомъ коммиссіею, составленною изъ Генераловъ: Канробера, Мартемпрея, Тьери, Бизо, Полковниковъ: Трошю и Лебефа и Контръ-Адмирала Буэ-Вюльомеза. Генералы Рагланъ, Броунъ, Бургонь и Контръ-Адмиралъ Лэйонсъ сопровождали ихъ при этой вторичной рекогносцировкѣ.

На этомъ пунктѣ береговъ Крыма мы не встрѣтили ни одного непріятельскаго солдата.

Довольно многочисленный Русскій лагерь былъ расположенъ около мыса Херсонеса; южнѣе къ

устьямъ рѣки Качи и Альмы находилось до 25 т. Русскихъ войскъ.

И такъ высадка произведена была при обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ.

Въ первую же ночь мы замѣтили, что у Англичанъ не было палатокъ.

Наши солдаты были снабжены палатками и одѣялами.

Утромъ 15-го Сентября число союзныхъ войскъ, высаженныхъ на Русскій берегъ, простиралось до 62,000 человѣкъ, а именно: 28,000 Французовъ, 26,000 Англичанъ и 8,000 Турокъ.

Мы вторгались въ Россію, какъ Норманны въ Сицилію, какъ Пизарръ въ Перу, какъ Фернандъ Кортецъ въ Мексику. Какой-то непонятный страхъ, какое-то неопредѣленное безпокойство овладѣли арміею. Каждый готовъ былъ исполнить свою обязанность и дорого продать свою жизнь.

Никто не могъ предполагать, чтобы высадка на берега Крыма въ Сентябрѣ мѣсяцѣ могла когда либо осуществиться. Такое предпріятіе казалось Русскимъ несбыточнымъ и безумнымъ.

Съ 15-го Сентября болѣзнь Маршала Сент-Арно до того усилилась, что онъ долженъ былъ предоставить всѣ распоряженія своему начальнику штаба, Генералу Мартемпрею, которому надобно отдать справедливость въ томъ, что всѣ приказанія отдавались при немъ съ такою же точностью и исполнялись съ такимъ же строгимъ соблюденіемъ дисциплины.

Съ 15-го по 19-е Сентября протекло четыре дня, которые были посвящены дополнительной выгрузкѣ осадной артиллеріи и распоряженіямъ къ предстоявшему маршу къ рѣкѣ Альмѣ, потому что, какъ извѣстились мы, позади ея сосредоточилась Русская армія, состоявшая изъ тридцати тысячь человѣкъ.

Много вытерпѣли мы въ эти четыря дня отъ недостатка воды и топлива.

19-го Сентября союзныя войска двинулись къ Альмѣ, а 20-го утромъ, въ прекрасную погоду, завидѣли Русскую армію, расположенную на высотахъ вдоль лѣваго берега рѣки, и состоявшую изъ 35,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 3000 кавалеріи.

XIII.

Утромъ 20-го Сентября болѣзненное состояніе Маршала видимо усилилось; онъ чувствовалъ такое разслабленіе, что съ большимъ трудомъ всталъ съ своей постели и не могъ уже принимать никакого участія въ диспозиціи атаки, которая была составлена въ присутствіи его Лордомъ Рагланомъ и Генераломъ Мартемпреемъ.

Главнокомандующій могъ только знаками выражать свое согласіе.

Атака съ нашей стороны началась въ шесть часовъ утра. Генералъ Боске съ дивизіею своею, при содѣйствіи огня морской артиллеріи, произвелъ нападеніе на лѣвый флангъ Русской позиціи.

Вскорѣ на этомъ пунктѣ введена была въ дѣло дивизія Канробера, и оба эти войска потѣснили лѣвое крыло Русскихъ. Въ то же самое время дивизія Наполеона, подкрѣпленная бригадою находившейся въ резервѣ дивизіи Генерала Форе, послѣ жаркой перестрѣлки, заняла селеніе Альма-Тамакъ.

Англичане, долженствовавшие действовать на нашемъ лѣвомъ флангѣ, теряли время въ безконечныхъ приготовленіяхъ къ бою. Они построились только въ 10-ть часовъ и подошли къ позиціи съ своею обычною флегмою. Они встрѣчены были стремительною атакою Русской кавалеріи, попали подъ перекрестный огонь стоявшей на высотахъ Русской артиллеріи и, не выдержавъ его, принуждены были съ большимъ урономъ отступить за рѣку Альму, чтобы привести въ порядокъ разстроенные ряды свои.

Маршалъ Сентъ-Арно находился въ такомъ положеніи, что уже не въ состояніи былъ подать никакого совѣта. Лордъ Рагланъ, войска котораго потерпѣли сильное пораженіе въ дѣлѣ при Альмѣ, началъ еще болѣе сомнѣваться въ возможности овладѣть Севастополемъ открытою силою; и начальникъ генеральнаго штаба Мартемпрей, слѣдя поочередно за выраженіемъ прочихъ лицъ, видѣлъ на нихъ то же сомнѣніе.

Однако же, по настоянію Генераловъ Боске, Ласи-Еванса, Каткарта и Принца Наполеона, рѣшено было, чтобы армія на другой день двину-

лась въ походъ и дошла до рѣки Бальбека, на самое ближайшее разстояніе отъ Севастополя.

22-го мы пошли далѣе по направленію къ югу и къ вечеру стали на рѣкѣ Бальбекѣ.

Здѣсь мы должны сказать, что Турецкая дивизія не принимала никакого участія въ сраженіи при Альмѣ; во все продолженіе дѣла она оставалась въ виноградникахъ, которыми усѣяна образуемая рѣкою долина. Такимъ образомъ мы лишились содѣйствія 8000 человѣкъ и должны приписать это Генералу Мартемпрею, который совершенно забылъ о Туркахъ и не перемѣнилъ даннаго имъ съ утра приказанія—стоять въ резервѣ за дивизіями Боске и Канробера.

XIV.

И такъ, къ вечеру мы стояли на Бальбекѣ, которой устье и лѣвый берегъ защищены были земляными укрѣпленіями и батареями.

Лордъ Рагланъ и начальникъ Французскаго главнаго штаба, разсматривая эти укрѣпленія, сознались, что трудно будетъ взять ихъ и не рѣшились произвести на нихъ нападеніе.

Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ 10 часовъ вечера въ Англійскомъ главномъ штабѣ, рѣшено было: вмѣсто того чтобы, форсировать Бальбекскую позицію и атаковать сѣверныя укрѣпленія Севастополя, направиться чрезъ Черную рѣчку, въ отдаленіи отъ огня съ Севастопольскихъ батарей, и занять позицію съ южной стороны города на возвышенной равнинѣ Херсонеса, замѣченной во время рекогносцировки съ корабля *«Фюрïуса»*. Безчисленные, безопасные и глубокіе заливы, перерѣзывающіе разнообразными изгибами южную оконечность этой равнины, представляли бы удобную стоянку для кораблей и давали бы имъ возможность находиться въ непосредственномъ сношеніи съ сухопутною арміею. Въ такой позиціи войско могло бомбардировать крѣпость при содѣйствіи флота и потомъ попытаться произвести штурмъ. Если атака открытою силою будетъ признана невозможною, то приступить къ правильной осадѣ, что представляю ту выгоду, что войско,

будучи обращено тыломъ къ морю, находилось бы тогда въ постоянномъ сообщеніи съ флотомъ и этимъ путемъ могло бы получать все для себя нужное.

Рука человѣческая, захваченная мельничнымъ колесомъ, увлекаетъ за собою все тѣло. Такъ и главная ошибка предпріятія раньше или позже должна была повредить всему его развитію.

Начало было ложно, послѣдствія его долженствовали быть гибельны. Соображенія, составленныя въ Парижѣ безъ всякаго примѣненія къ практикѣ, были трудноисполнимы, а потому и результаты, которые должны были проистекать изъ нихъ, не могли увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ.

Съ 24-го Сентября, выраженіе Вице-Адмирала Гамелена, назвавшаго насъ искателями приключеній, сдѣлалось фактомъ; мы блуждали наудачу и всѣ усилія наши, которыя такъ дорого стоили намъ въ сраженіи при Альмѣ, не принесли намъ никакой пользы.

25 и 26-го Сентября мы совершили вокругъ крѣпости наше знаменитое фланговое движеніе, предначертанное накапунѣ въ палаткѣ Лорда Раглана.

Во время этого труднаго перехода, по неизвѣстной странѣ, пересѣкаемой глубокими рвами, поросшей непроходимымъ лѣсомъ, не зная дорогъ, не имѣя проводниковъ, претерпѣвая недостатокъ въ водѣ, мы находились въ положеніи, затруднительномъ до послѣдней крайности.

Маршалъ Сент-Арно, почти въ предсмертномъ томленіи, старался казаться бодрымъ. Мысль о скоромъ приступѣ безотступно занимала его; онъ говорилъ о немъ, какъ о дѣлѣ, которое можно было исполнить безъ большаго труда и для окончанія котораго потребно было не болѣе какъ двѣнадцати или двадцати четырехъ-часоваго усиленнаго бомбардированія.

«Императоръ будетъ доволенъ нами,» говорилъ онъ съ улыбкою слабымъ голосомъ. «Мы исполнили его приказанія. Конечно, ему принадлежитъ вся честь этой экспедиціи. . . . Черезъ десять дней ключи Севастополя будутъ въ его рукахъ. . . . . Теперь Имперія утверждена. . . . . и здѣсь ея крестины.»

Выходя по временамъ изъ своего предсмертнаго забытья, онъ повторялъ эти слова, услаждая ими

свою агонію. Не разъ онъ вспоминалъ про 2-е Декабря, но слова его были безсвязны, а мысли тяжелы и непонятны.

26-го мы прибыли на Черную рѣчку.

Маршалъ приказалъ позвать къ себѣ всѣхъ дивизіонныхъ и бригадныхъ Генераловъ; онъ пытался сказать имъ послѣднее слово, но по слабости не могъ. Наконецъ, собравшись съ послѣдними силами, онъ сказалъ, что не думаетъ ошибиться въ намѣреніяхъ Императора, передавъ начальство тому изъ Генераловъ, который, по его мнѣнію, былъ бы избранъ единодушнымъ голосомъ войска.

«Я избралъ на мѣсто себя Генерала Канробера, которому передаю главное начальство надъ арміею, въ ожиданіи утвержденія Его Величество» сказалъ онъ.

Маршалъ сдѣлалъ знакъ рукою Генералу Мартемпрею, который подошелъ къ Канроберу и подалъ ему бумагу, заключавшую въ себѣ его временное назначеніе.

Но Канроберъ не принялъ бумаги отъ начальника генеральнаго штаба; онъ вынулъ изъ кар-

мана пакетъ съ Императорскою печатью, по виду которого можно было заключить, что Генералъ носилъ его довольно долгое время въ карманѣ.

Сент-Арно раскрылъ глаза, но не выразилъ ни малѣйшаго изумленія. Голова его упала на подушку походной постели и онъ проговорилъ только ослабѣвающимъ голосомъ:

«Хорошо!»

Всѣ Генералы удалились за исключеніемъ новаго Главнокомандующаго, который остался на совѣщаніи съ Мартемиреемъ, въ палаткѣ Маршала.

Какія права имѣлъ Генералъ Канроберъ на командованіе арміею, увлеченною въ столь трудное предпріятіе? . . . Не знаю.

Если Исторія будетъ строга къ памяти Маршала, послушнаго и слѣпаго исполнителя данныхъ ему военныхъ предначертаній, который водилъ насъ изъ Варны въ Евпаторію, изъ Евпаторіи на скалы Херсонскія, то она еще строже осудитъ мѣру, усугубившую первоначальную ошибку и поставившую насъ въ положеніе, изъ котораго нѣтъ инаго исхода, какъ сознаніе своего безсилія или безумія, какъ безчестное отступленіе или гибель.

XV.

Съ вечера 26-го и въ теченіе 27-го Сентября мы занимали позицію на южной сторонѣ Севастополя,—отъ Балаклавы до мыса Херсонеса.

Такимъ образомъ, главная ошибка похода была совершена, и когда мы узнали наше настоящее положеніе, то всѣ тѣ, которые прежде не соглашались съ нами, теперь приняли наше мнѣніе. Когда мы осмотрѣлись въ нашей новой позиціи, то ясно увидѣли, что сѣверная сторона города, оставаясь открытою, имѣла свободныя сообщенія съ Россіею, по дорогамъ изъ Евпаторіи и Симферополя и что мы могли обложить крѣпость только съ южной стороны.

Мы полагали сначала, что Князь Меншиковъ отступилъ на Бельбекскія высоты; но это было заблужденіе, которому въ особенности придавало вѣсъ мнѣніе Лорда Раглана и Генерала Канробера. За исключеніемъ нѣсколькихъ батарей, которыми были защищены эти высоты и взятіе которыхъ позволило бы намъ произвести нападеніе на фортъ Сѣверный и на фортъ Константинъ, на самомъ

же дѣлѣ за Бальбекомъ оставлено было нѣсколько гарнизона, одна бригада, да нѣсколько морскихъ ротъ, занимавшихъ два вышепомянутые форта.

Какъ военачальникъ искусный и проницательный, Князь Меншиковъ предвидѣлъ или узналъ во время наше движеніе къ рѣкѣ Черной. Онъ отступилъ со всею арміею по Бахчисарайской дорогѣ. Во время нашего фланговаго движенія бригада Англійской кавалеріи успѣла застигнуть на дорогѣ только арріергардъ Русской арміи.

Очевидно было, что Князь Меншиковъ, вмѣсто того, чтобы запереться въ крѣпости, предпочелъ дѣйствовать въ полѣ и ожидать къ себѣ подкрѣпленій, имѣя возможность сохранить свои сообщенія какъ съ Севастополемъ, такъ и съ внутренними областями Россіи. Положеніе, принятое имъ, было превосходно, и мы жестоко испытывали на себѣ его послѣдствія, столь гибельныя для насъ.

Въ слѣдствіе этого такъ искусно обдуманнаго стратегическаго соображенія, Севастополь сдѣлался недоступенъ. Каждый день къ нему стали

прибывать новыя войска, освѣжать гарнизонъ крѣпости и усиливать дѣйствующій корпусъ.

Ошибка нашихъ Главнокомандующихъ стала еще очевиднѣе, когда мы узнали, что Русскіе затопили семь кораблей при входѣ въ Севастопольскій рейдъ. Атака со стороны моря сдѣлалась невозможною, а оборона Севастополя усилилась пятью стами орудій, снятыхъ съ затопленныхъ кораблей.

Вскорѣ лазутчики извѣстили насъ, что значительныя подкрѣпленія начали прибывать къ Князю Меншикову.

Войска, спѣшившія на усиленіе Князя Меншикова, были еще на маршѣ, или отчасти уже прибывали въ Симферополь.

Князь Меншиковъ двинулъ войска свои впередъ и снова занялъ высоты, простирающіяся къ сѣверу отъ Севастополя, и весь правый берегъ Черной рѣчки. Въ то же время, по сношенію съ Генералъ-Губернаторомъ Бессарабіи и съ Одесскимъ Губернаторомъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ обезпеченію отъ нашихъ покушеній Херсона, Николаева и главнаго пути сообщенія изъ Перекопа на Симферополь и Перекопъ.

Такимъ образомъ, намъ ни къ чему не послужилъ счастливый выборъ пункта высадки на западный берегъ Крыма съ сѣверной стороны Севастополя; всѣ выгоды, пріобрѣтенныя нами въ началѣ кампаніи, были для насъ потеряны.

Русскія войска блокировали насъ со всѣхъ сторонъ. Съ фронта, на Херсонскомъ пунктѣ, угрожала намъ крѣпость, на правомъ флангѣ стѣсняла Черная, наконецъ войска, спѣшившія форсированными маршами подъ начальствомъ Генерала Липранди, могли атаковать насъ съ лѣваго фланга.

Это и случилось дѣйствительно впослѣдствіи.

XVI.

Съ 1-го Октября начались приготовленія къ бомбардированію, и Генералъ Канроберъ почелъ за нужное организовать армію на новую ногу. Онъ раздѣлилъ ее на двѣ части. Первая, подъ начальствомъ Генерала Форе, приступала къ осадѣ; она состояла изъ 3-й и 4-й дивизіи Форе и Принца Наполеона. Вторая, подъ начальствомъ

Генерала Боске, образовала обсервацiонный корпусъ; въ сооставъ ея входили двѣ дивизiи: 1-я Канробера, 2-я Боске.

Англiйская армiя приняла такое же раздѣленiе.

Такое раздѣленiе было довольно удачно, потому что оно давало намъ возможность отвѣчать на атаки Русскихъ по всему протяженiю нашего лѣваго крыла; но, къ сожалѣнiю, на большей части этого протяженiя расположены были Англiйскiя войска, и Лордъ Рагланъ не умѣлъ принять должныхъ мѣръ предосторожности, необходимыхъ въ этомъ случаѣ. Онъ не сдѣлалъ ни одного укрѣпленiя впереди своей позицiи, которая осталась такимъ образомъ открытою, и занялся единственно заложенiемъ первой параллели и приготовленiями къ бомбардированiю.

Съ 4-го по 8-е Октября союзники усилены были 10,000 человѣкъ, именно: 5-ю дивизiею Генерала Левальяна и двумя батальонами 6-й дивизiи Генерала Патѐ.

Состоянiе здоровья въ армiи было пока еще благопрiятно; однако холера начинала уже появляться въ нашихъ рядахъ, въ особенности у

Англичанъ, которые вообще труднѣе, чѣмъ наши солдаты переносили лишенія военнаго времени.

Приготовленія къ бомбардированію дѣлались до 16-го Октября. Мы производили правильную осаду; 17-го числа, въ 6 часовъ утра, страшная канонада разразилась надъ Севастополемъ съ суши и съ моря.

Подробности и результаты этого бомбардированія всѣмъ извѣстны: союзныя эскадры дѣйствовали храбро и отчасти удачно противъ морскихъ укрѣпленій Севастополя; но Русская артиллерія въ свою очередь нанесла такой вредъ нашимъ кораблямъ, что къ вечеру они должны были удалиться съ значительными поврежденіями и большою потерею въ людяхъ.

Что касается до дѣйствій нашихъ батарей съ сухаго пути, то, будучи расположены въ разстояніи 500 саж. отъ Русскихъ передовыхъ укрѣпленій, онѣ сравнительно наносили городу еще менѣе вреда, чѣмъ эскадры.

Севастопольская артиллерія не переставала отвѣчать на наши выстрѣлы съ единствомъ, дѣятельностію и вѣрностію, которыя удивили насъ.

Бомбардированіе продолжалось почти безпрерывно до 24-го числа Октября. Въ этотъ день союзные Генералы составили военный совѣтъ, и видя ничтожность вреда, наносимаго нашею артиллеріею непріятелю, рѣшились ослабить огонь и продолжать осаду по всѣмъ правиламъ искусства до третьей параллели.

Между тѣмъ наступили холода. Солдаты, начинавшіе подвергаться всѣмъ непріятностямъ осенней погоды и не имѣя теплой одежды, просились на штурмъ.

Нѣкоторые офицеры и даже Генералы раздѣляли ихъ нетерпѣніе и желаніе, но Лордъ Рагланъ отвѣчалъ на всѣ подобныя требованія изящными рѣчами, которыя конечно были бы болѣе кстати въ Парламентѣ.

XVII.

Около этого времени Императоръ получилъ вѣрныя извѣстія обо всемъ, происходившемъ въ Севастопольскомъ лагерѣ. Онъ уже зналъ, что бомбардированіе не принесло другаго результата, кромѣ огромной растраты снарядовъ, и доказало Русскимъ всю прочность ихъ укрѣпленій и всю безполезность нападеній съ нашей стороны.

Конечно, Русскіе понесли чувствительныя потери; одинъ изъ ихъ Адмираловъ (Корниловъ) палъ на бастіонѣ; въ особенности потерпѣли артиллеристы; съ 17-го по 20-е число гарнизонъ потерялъ 1,800 человѣкъ.

Но наши дѣла не подвинулись ни на шагъ, и то, что мы разрушали сегодня, какъ бы волшебствомъ возникало на другой день передъ глазами нашими.

Могли ли мы взять Севастополь открытою силою съ сѣверной стороны послѣ сраженія при Альмѣ? Можетъ быть,—во всякомъ случаѣ слѣдовало попробовать. Перешедъ на южную сторону крѣпости, могли ли мы, пробивъ предварительно брешь,

штурмовать крѣпость? Это болѣе чѣмъ сомнительно: положеніе дѣлъ сильно измѣнилось къ собственной нашей невыгодѣ и даже, ворвавшись въ городъ, судя по всѣмъ предположеніямъ, мы были бы не въ состояніи овладѣть имъ.

Покрайней мѣрѣ Генералъ Бизо и многіе артиллерійскіе и инженерные Штабъ-Офицеры были такого мнѣнія и высказывали его всѣмъ, кто хотѣлъ понять, въ чемъ состояло дѣло, не стѣсняясь въ выраженіяхъ для представленія дѣйствій нашихъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Изъ нашего лагеря хорошо были видны всѣ укрѣпленія, находящіяся по другую сторону рейда, съ которыхъ слѣдовало бы начать осаду и со взятіемъ которыхъ городъ и флотъ должны были бы сдаться.

Главное изъ этихъ укрѣпленій есть Сѣверное: оно расположено на каменистой возвышенности, которая господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и рейдомъ. Генералъ Бизо и Принцъ Наполеонъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ укрѣпленіи, удостовѣрились, что оно вооружено 300 орудій огромнаго калибра и защищается гарнизономъ изъ 3,000 человѣкъ. Осада Севастополя

безполезна, пока этотъ важный пунктъ не находится въ нашихъ рукахъ, и даже если бы крѣпость сдалась намъ, мы не будемъ въ состояніи удержаться въ ней, пока непріятель будетъ занимать Сѣверное укрѣпленіе.

Страшное дѣло! наши Главнокомандующіе, какъ кажется, не подозрѣвали существованія этой преграды и вовсе не обращали на нее вниманія. Должно предполагать, что они получали отъ своихъ правительствъ приказанія, обязывающія ихъ умалчивать о препятствіяхъ къ овладѣнію Севастополемъ, потому что ни въ журналахъ осады, ни въ донесеніяхъ, ни даже въ разговорахъ нѣтъ и намека на предметъ, который озабочивалъ всѣхъ. Безъ сомнѣнія, они обязаны были сулить золотыя горы своимъ правительствамъ, а тѣ въ свою очередь угощали тѣмъ же публику, для прикрытія неисправимой ошибки экспедиціи.

Императоръ получалъ обо всемъ самыя подробнѣйшія извѣстія, которыя раскрывали ему всю истину и показывали настоящее положеніе дѣлъ. Но онъ не обращалъ на это вниманія, съ пагубною самоувѣренностью смѣялся надъ всѣми предостереженіями, и однажды публично назвалъ ихъ

робкими совѣтами (timides avis), почти прямо указывая на Вице-Адмирала Гамелена и Принца Наполеона и косвенно на Маршала Вальяна, который неоднократно высказывалъ свои сомнѣнія на счетъ успѣха экспедиціи какъ предъ Императоромъ, такъ и предъ Принцемъ Іеронимомъ.

XVIII.

Императоръ особенно уважалъ Генерала Канробера и почиталъ его способнымъ на великія дѣла. Такое уваженіе оправдывается многими качествами этого Генерала: его удивительнымъ, даже нѣсколько поэтическимъ мужествомъ, спокойствіемъ на полѣ сраженія, быстрымъ и вѣрнымъ взглядомъ и, въ критическую минуту, необыкновенною пылкостью при нанесеніи рѣшительнаго удара. Онъ былъ любимъ войсками и возбуждалъ удивленіе, но только *въ своей* дивизіи; ибо надобно по правдѣ сказать: этотъ блистательный Генералъ не созданъ для главнаго предводительства и не способенъ командовать арміею.—Его умъ замѣчателенъ только въ частностяхъ и не въ силахъ

обнимать разомъ общаго. На полѣ сраженія онъ займется только однимъ пунктомъ и пренебрежетъ всѣми прочими; привяжется со всѣмъ жаромъ только къ одной части, и не будетъ ни слышать, ни видѣть того, что происходитъ вокругъ. Что касается до его административныхъ способностей, то они совершенно ничтожны, и въ этомъ отношеніи онъ еще ниже Маршала Сент-Арно—этого образца безпорядочности, выказанной имъ не только во время командованія Восточною арміею, но и въ Парижѣ, въ должности Военнаго Министра,—Маршалу Вальяну (нынѣшнему Военному Министру) должно быть хорошо это извѣстно. Любимое выраженіе Канробера, что *«всего за одинъ разъ не сдѣлаешь,»* какъ нельзя лучше характеризуетъ его. Во время войны надобно умѣть дѣлать все вдругъ, что не подъ силу тѣсному и лѣнивому уму этого Генерала.

Боске пользуется общимъ уваженіемъ; онъ столько же храбръ и отличается такъ же блистательными качествами, какъ и его сподвижникъ, но его взглядъ обширнѣе и умъ его способнѣе примѣняться къ дѣлу. Никто лучше его не умѣетъ найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ. Ему

одному принадлежитъ честь Альмской битвы: онъ во-время атаковалъ лѣвый флангъ Русскихъ; опоздай онъ четвертью часа — и Англичане вторично были бы разбиты и опрокинуты за рѣчку, а мы рисковали бы быть атакованными съ фланга и съ тыла Русскою кавалеріею, въ числѣ 3,000 человѣкъ. При Инкерманѣ онъ же спасъ союзную армію и во второй разъ армію Англійскую.

Но Боске, какъ человѣкъ благоразумный, понимающій свою будущность, никогда себя не выказываетъ. Выспрашивая ваше мнѣніе, онъ умѣетъ внушить вамъ собственное свое; не принимая ничего на свою отвѣтственность, онъ дѣйствуетъ всегда по своему усмотрѣнію; однимъ словомъ: Боске обладаетъ чрезвычайно тонкимъ тактомъ. При всемъ этомъ онъ хорошо образованъ, много начитанъ и основательно знаетъ военное искусство не только въ теоріи, но и на практикѣ. Онъ расположенъ къ Канроберу; но въ кругу приближенныхъ относится о немъ съ состраданіемъ. Сколько разъ бывали мы свидѣтелями того, какъ онъ горько улыбался при видѣ ошибокъ Канробера! Но онъ ни разу не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ ни одного замѣчанія. Императоръ уважаетъ его, но не любитъ.

Генералъ Форе не что иное, какъ солдатъ, не умѣющій даже порядочно исполнять даннаго ему приказанія. При Альмѣ, на примѣръ, онъ отказывался ввести въ дѣло одну изъ своихъ резервныхъ бригадъ въ ту минуту, когда бригада эта могла бы рѣшить участь сраженія. Начальникъ главнаго штаба съ большимъ трудомъ уговорилъ его подкрѣпить этою бригадою 3-ю дивизію, когда та атаковала селеніе Альма-Тамакъ, упорно защищаемое Русскими стрѣлками.

Онъ очень друженъ съ Канроберомъ: оба Генерала имѣютъ одинъ къ другому полную довѣренность.

Мы умолчимъ объ Англійскихъ Генералахъ и ограничимся сожалѣніемъ, что командовавшіе Британскою арміею такіе храбрые и отличные офицеры, какъ Броунъ, Каткартъ, Лэсп-Эвенсъ и даже молодой Герцогъ Кембриджскій не находятся подъ начальствомъ полководца болѣе способнаго, болѣе дѣятельнаго и менѣе обремененнаго лѣтами.

XIX.

25-го утромъ, когда батареи наши почти прекратили огонь, мы услышали канонаду съ восточной стороны. Въ лагерѣ у насъ никто не ожидалъ такой тревоги. Въ одно мгновеніе всѣ были на ногахъ; мѣры предосторожности были немедленно приняты и обсерваціонный корпусъ Генерала Боске сталъ въ ружье.

Французскій главный штабъ отправился на рекогносцировку и встрѣтился съ Англійскимъ, который также спѣшилъ освѣдомиться, что такое происходило за Балаклавою, на склонѣ высокихъ холмовъ, ограничивающихъ съ этой стороны позиціи союзныхъ армій.

Это было стремительное нападеніе Русскихъ, направленное съ большою скрытностью и еще большимъ искусствомъ на редуты, которые были построены здѣсь Лордомъ Рагланомъ.— По прибытіи Генераловъ на мѣсто, первая часть дѣйствія уже кончилась. Русскіе, въ числѣ 22,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Генерала Липранди,

овладѣли послѣдовательно всѣми четырьмя Англо-Турецкими редутами и расположились на дорогѣ изъ Балаклавы въ лагерь.

Атака, произведенная Генераломъ Липранди, удалась какъ нельзя лучше, и если бы силы его были многочисленнѣе, онъ поставилъ бы нашу армію въ самое критическое положеніе; къ счастію, корпусъ его былъ не полонъ и онъ имѣлъ единственною цѣлью блокировать насъ съ этой стороны, точно такъ же, какъ мы были блокированы съ другой Севастопольскимъ гарнизономъ и Русскими войсками, расположенными за Черной рѣчкой.

Генералы Канроберъ и Рагланъ послали Венсенскихъ и Шотландскихъ стрѣлковъ атаковать Русскіе аванпосты. Наши солдаты тотчасъ же заняли два редута, оставленные Русскими, и мы уже радовались успѣху ихъ съ высотъ деревни Кадыкой, гдѣ мы стояли, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство привело насъ въ смущеніе. Русскіе, отступая, увезли съ собою орудія съ обоихъ оставленныхъ редутовъ. Генералъ-Майоръ Графъ Луканъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Англійскаго Главнокомандующаго. Лордъ Рагланъ,

не осмотрѣвши порядочно мѣстности, далъ приказаніе Графу Лукану преслѣдовать Русскихъ легкою кавалеріею и, если возможно, отбить у нихъ пушки, которыми они завладѣли.

Графъ Луканъ заставилъ дважды повторить себѣ это приказаніе слово въ слово и, выслушавъ его вторично, поѣхалъ къ Лорду Кардигану, который съ бригадою своею занималъ равнину, разстилающуюся впереди Чоргуна.

Графъ Луканъ и Лордъ Кардиганъ переговорили между собою, что продолжалось минутъ семь или восемь; потомъ вдругъ, съ изумленіемъ и ужасомъ, увидѣли мы, что Англійская кавалерійская бригада съ быстротою молніи бросилась на Русскихъ и смѣшалась съ густыми массами непріятелей; она опрокинула часть ихъ боевыхъ линій; но Русскіе снова показались позади ихъ послѣднихъ эскадроновъ, и въ эту минуту она была окружена со всѣхъ сторонъ и попала подъ перекрестный ружейный и картечный огонь, который истребилъ ее почти всю тутъ же на мѣстѣ.

Боске поспѣшилъ къ Главнокомандующимъ съ просьбою, чтобы ему дозволено было вступить въ атаку или покрайней мѣрѣ выручить храбрую

Англійскую кавалерію. Генералъ Канроберъ отвѣчалъ ему, что это уже безполезно и слишкомъ поздно. Лордъ Рагланъ не произнесъ ни слова и съ видимымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на истребленіе своей легкой кавалеріи, которое было прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ его несчастнаго приказанія.

Какая-то дрожь пробѣжала по рядамъ батальоновъ, бывшихъ свидѣтелями столь ужасной сцены. Мы думали, что они бросятся впередъ, не дожидаясь приказа; но неподвижность Генераловъ вскорѣ убѣдила ихъ, что надобно было, сложивши руки, смотрѣть на уронъ, который нанесли намъ Русскіе.

Вскорѣ мы увидѣли возвращающуюся къ намъ группу, состоявшую изъ 70 или 80 человѣкъ, оставшихся отъ всей бригады, и лошадей, которыя безъ всадниковъ разсѣянно бѣжали слѣдомъ или по бокамъ.

Мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ атаки, которая была бы произведена съ цѣлью поддержать Англійскую кавалерію или покрайней мѣрѣ отмстить за нее.

Русскіе не выдержали бы напора нашихъ солдатъ, ожесточенныхъ этимъ зрѣлищемъ; но Генералы продержали ихъ на высотахъ до окончанія пораженія союзниковъ. По нашему мнѣнію, мы тогда непремѣнно оттѣснили бы Генерала Липранди за Черную рѣчку и не были бы впослѣдствіи безпрестанно угрожаемы его дивизіею, которая удержала оба наши редута и долго не переставала безпокоить насъ часто повторявшимися стычками.

Но въ этомъ дѣлѣ постыдное бездѣйствіе довершило то, что было начато отсутствіемъ всякой предусмотрительности. Мы не умѣли предупредить нападенія Липранди построеніемъ надежныхъ укрѣпленій, а въ минуту опасности не умѣли удержать его твердою и внезапною рѣшимостью, которая составляетъ тайну военнаго искусства и служитъ характеристическою чертою опытныхъ полководцевъ.

XX.

Съ 26-го Октября артиллерія наша начала дѣйствовать слабѣе. Мы мало по малу стали замѣчать всю ничтожность вреда, наносимаго нами крѣпостнымъ укрѣпленіямъ. Въ рядахъ союзной арміи обнаруживалось замѣтное нетерпѣніе. Съ начала экспедиціи потери наши были весьма значительны, а болѣзни увеличивали ихъ съ каждымъ днемъ. «Пора бы кончить!» твердили всѣ во Французскихъ войскахъ. Дальнѣйшее промедленіе могло погубить армію, которая теперь сама больше походила на осажденную, нежели на осаждающую. Мы знали, что къ осажденнымъ приходятъ ежедневно новыя подкрѣпленія и предвидѣли наступленіе той минуты, въ которую мы будемъ окружены со всѣхъ сторонъ несравненно превосходнѣйшими непріятельскими силами.

Сначала день приступа назначенъ былъ 2 го Ноября, но по разнымъ причинамъ, которыя нейдутъ къ цѣли нашего разсказа, приступъ былъ отложенъ до 5-го Ноября, каковы бы ни были

бреши, пробитыя до того времени въ крѣпости. Артиллерія дѣйствовала съ различнымъ успѣхомъ съ той и съ другой стороны до показаннаго числа. Русскіе дѣлали частыя вылазки, которыя вообще были отражаемы нами.

Изъ траншей мы могли видѣть посредствомъ зрительныхъ трубокъ дѣйствія нашихъ бомбъ въ городѣ. Пожары были не рѣдки, и въ ночное время отраженіе пламени на темномъ и облачномъ небѣ представляло воображенію какое-то фантастическое и вмѣстѣ страшное зрѣлище.

Мы не станемъ упоминать о многихъ обстоятельствахъ осады, которыя не входятъ въ планъ нашего разсказа, и перейдемъ къ послѣднимъ событіямъ.

XXI.

5-го Ноября, поутру, мы были пробуждены во Французскомъ лагерѣ страшною канонадою, раздавшеюся со стороны Инкермана. Весь нашъ лагерь поднялся на ноги съ тою быстротою, которую мы доказали уже 25-го Октября, и Генералъ Канроберъ послалъ ординарца къ Лорду Раглану узнать, въ чемъ дѣло.

Это была новая атака со стороны Русскихъ, но несравненно значительнѣе той, какую произвелъ Генералъ Липранди на Балаклавскіе редуты 25-го Октября.

Пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, непріятель безъ шуму двинулся къ Инкерманскому мосту и перешелъ вверхъ Черную рѣчку, съ намѣреніемъ напасть врасплохъ на Англійскій лагерь, слабо прикрытый и дурно охраняемый, не смотря на урокъ, данный ему 25-го Октября. Въ семь часовъ утра завязалось сраженіе между Русскими войсками и дивизіею Лэси-Эвенса, которая одна выдержала напоръ 25,000 человѣкъ подъ начальствомъ Генерала Соймонова. Позади сихъ войскъ

и немного лѣвѣе, начальствующій четвертымъ корпусомъ, Генералъ Даннепбергъ, приближался съ своею дивизіею почти такой же силы и спускался съ высотъ праваго берега рѣки съ многочисленною артиллеріею. Такимъ образомъ Англійская дивизія была окружена съ двухъ сторонъ.

Англичане уступили превосходству непріятельскихъ силъ; но прибытіе новыхъ подкрѣпленій позволило имъ перейти въ наступательное положеніе, съ цѣлью овладѣть потерянною позиціею, и тогда завязался кровопролитный бой, небывалый со временъ великихъ войнъ Имперіи. Солдаты съ обѣихъ сторонъ пришли въ неописанное ожесточеніе. Сраженіе вскорѣ обратилось въ рукопашную схватку, въ которой солдаты дрались прикладами, когда штыкъ былъ переломленъ; кулаками, когда прикладъ разлетался въ дребезги; каменьями, когда не оставалось у нихъ другаго оружія для нападенія или для защиты.

Непроницаемый туманъ содѣлывалъ эту битву еще болѣе ужасною и убійственною.

Въ девять часовъ ряды Англичанъ начали рѣдѣть; поле сраженія переходило нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки; Англійскія войска истощили уже послѣднія усилія, когда на поле сраженія прибылъ первый батальонъ 2-й дивизіи, подъ личнымъ предводительствомъ Генерала Боске. Онъ горѣлъ желаніемъ отмстить Русскимъ за пораженіе подъ Балаклавою, и ему принадлежитъ честь спасенія Англійской арміи, поставленной на край гибели безпечностію Лорда Раглана.

Боске прибылъ на поле сраженія съ отчаяніемъ въ сердцѣ: онъ видѣлъ всю великость опасности и понималъ всю трудность дѣла, ему предстоявшаго. Въ ту минуту, когда онъ прибылъ на помощь Англичанамъ съ батальономъ зуавовъ, состоявшемъ изъ 600 человѣкъ, въ срединѣ котораго онъ помѣстилъ свой штабъ, пушечные выстрѣлы раздались со стороны Карантина, на нашемъ лѣвомъ флангѣ; они повторились въ тылу арміи, со стороны Балаклавы, гдѣ наступалъ Липранди, ожидавшій только бѣгства союзной арміи, чтобы довершить ея гибель.

Явись Боске получасомъ позже, Англичане были бы совершенно разбиты, ужасный безпорядокъ

распространился бы въ рядахъ союзныхъ войскъ и Русскіе, окружая насъ со всѣхъ сторонъ, могли бы сбросить въ море всю нашу армію. Къ счастію, ошибки союзныхъ Генераловъ исправлены были несокрушимою храбростью солдатъ; мужество ихъ спасло насъ отъ гибели, которою должна была кончиться эта страшная атака, устроенная Княземъ Меншиковымъ.

Боске неожиданно напалъ на дивизію Соймонова съ фланга, и по мѣрѣ того какъ подходили къ нему новые батальоны, неустрашимый Генералъ расширилъ линію атаки и оттѣснилъ Русскихъ къ Черной рѣчкѣ, гдѣ вскорѣ завязалось жаркое дѣло между ними и дивизіею Генерала Каткарта. Въ десять съ половиною часовъ утра Русскіе принуждены были къ общему отступленію, которое они совершили въ полномъ порядкѣ. Въ эту минуту прибыла на поле сраженія дивизія Принца Наполеона, отряженная наконецъ Генераломъ Форе, который и тутъ едва рѣшился на это. Больной Принцъ шелъ въ головѣ своихъ войскъ.

Въ этомъ достопамятномъ сраженіи, всѣ, отъ Генерала до рядоваго, свято исполняли свой долгъ.

Англичане оказали геройскую храбрость; пятеро изъ ихъ лучшихъ Генераловъ остались на полѣ битвы.

Канроберъ дѣйствовалъ храбро, но былъ не болѣе какъ простой солдатъ, и вся честь этого дня, въ глазахъ цѣлой арміи, принадлежитъ Генералу Боске.

Форе не хотѣлъ подкрѣпить Англичанъ своими двумя дивизіями, потому что Русскіе сдѣлали на него вылазку изъ Севастополя. Онъ не умѣлъ удержать храбраго Лурмеля, который, увлекшись въ преслѣдованіе Русскихъ до самыхъ стѣнъ крѣпости, потерялъ тамъ 300 человѣкъ, попавшихъ подъ перекрестный картечный огонь крѣпостныхъ орудій съ разстоянія пистолетнаго выстрѣла, и самъ пораженъ былъ пулею въ грудь на вылетъ.

Русскіе понесли въ этомъ сраженіи значительныя потери, но уронъ съ нашей стороны былъ сравнительно гораздо значительнѣе. Инкерманское сраженіе было верховнымъ приговоромъ, осуждающимъ Крымскую экспедицію, кровавымъ доказательствомъ вѣрности и истины замѣчаній, которыя

были сдѣланы по этому поводу. — Ошибочное начало имѣло послѣдствіемъ ошибки въ подробностяхъ, ошибки, которыя были усилены главными начальниками, людьми недальновидными и неспособными, и такъ дорого искуплены храбростью нашихъ солдатъ.

Послѣ этого ужаснаго урока наши Генералы поняли наконецъ необходимость укрѣпленія лагеря и усиленія обсерваціоннаго корпуса.

«Нельзя всего сдѣлать вдругъ!» часто повторялъ Генералъ Канроберъ; но онъ самъ убѣдился послѣ Инкерманскаго сраженія, что эту столь простую мѣру предосторожности можно и должно соблюдать только въ приличное для этого время.

Съ 6-го Ноября мысль о необходимости приступа снова овладѣла всѣми умами. Генералъ Канроберъ имѣлъ совѣщаніе объ этомъ предметѣ съ Лордомъ Рагланомъ; но Англійскій Генералъ успѣлъ отклонить нашего Главнокомандующаго отъ намѣренія штурмовать крѣпость, поставляя ему на видъ, что силы союзниковъ слишкомъ незначительны послѣ огромныхъ потерь, понесенныхъ ими въ

Инкерманскомъ сраженіи, въ особенности Англійскими войсками, въ которыхъ осталось въ строю не болѣе 14,000 человѣкъ. Смерть многихъ Генераловъ, его друзей и товарищей по оружію, и какое-то тревожное состояніе Герцога Кембриджскаго глубоко обезпокоивали благороднаго Лорда, и онъ считалъ необходимымъ или продолжать правильную осаду въ ожиданіи подкрѣпленія, или же оставить берега Крыма. — Эта крайняя мѣра была предусмотрѣна на военномъ совѣтѣ и допущена обоими правительствами еще въ началѣ экспедиціи.

Генералъ Канроберъ съ живостью отвергалъ мысль обратнаго отплытія, въ которой онъ видѣлъ, можетъ быть ошибочно, безчестіе для нашего оружія, и согласился приступить къ правильной осадѣ, которая тянется и понынѣ, послѣ трехъ мѣсяцевъ зимы, которую провели они въ грязи, въ снѣгу, при средней температурѣ въ 8° холода, пожираемые холерою, тифусомъ и скорбутомъ.

Послѣ 5-го Ноября въ союзной арміи, за исключеніемъ Турокъ, считалось 48,000 человѣкъ. Теперь же, послѣ пополненія полковъ и по при-

бытіи двухъ новыхъ дивизіи де Салля и Дилака, союзная армія состоитъ не болѣе какъ изъ 64,000 человѣкъ.

Императору Французовъ все это очень хорошо извѣстно. Онъ можетъ оцѣнять достоинства Маршала Сент-Арно, военныя заслуги Генерала Капробера, силу Севастопольскихъ укрѣпленій, всю опасность вторженія въ Россію и пребыванія въ этой странѣ въ зимнее время, подъ 45-мъ, равно какъ подъ 57-мъ градусомъ широты.

Англія, которой также хорошо извѣстны причины гибели ея прекрасной арміи, понимаетъ всю истину своего настоящаго положенія и можетъ надосугѣ пріискивать средства къ подавленію могущества Россіи.

Оба правительства постигаютъ опасность во всей ея обширности. Намъ извѣстно, что они упорствуютъ теперь въ продолженіи Крымской экспедиціи единственно для спасенія чести своего оружія; но мы знаемъ также, что они, вслѣдствіе принятой ими системы, упорно придерживаются гибельной политики послѣднихъ двухъ лѣтъ. Съ

одного конца Европы до другаго слышится одинъ голосъ, одно мнѣніе, одно сужденіе объ этой политикѣ, объ ея настоящихъ послѣдствіяхъ и объ ея будущихъ результатахъ.

Оба правительства явно обнаруживаютъ свое безсиліе: они не получатъ желаемыхъ плодовъ отъ своихъ союзовъ, которые уже заключены ими, или будутъ заключены,—они не принудятъ Россію къ миру.

Общая цифра потерь союзной арміи, понесенныхъ отъ огня непріятельскаго, отъ болѣзней и отъ холода, съ начала экспедиціи по Январь 1855 года превосходила 45,000 человѣкъ убитыми и умершими, и 30,000 человѣкъ выбывшими изъ строя по причинѣ ранъ или болѣзней.

Оба правительства все это знаютъ и сами въ этомъ сознаются.

Продолженіе настоящаго состоянія дѣлъ ослабитъ ихъ дружескій союзъ и наконецъ совершенно разрушитъ его. Они взаимно погибнутъ одинъ черезъ другаго.

Конецъ.

